КРОКОДИЛ

— Сейчас по кольцам на пне узнаем, когда к нам завезли эту технику.

Рисунок Аминадава КАНЕВСКОГО

Владимир БОЛЬШАКОВ

КОМПЛЕКС ВОИНСТВЕННОГО БЕЗУМИЯ

Человечество страдает бесчисленным количеством комплексов. Они известны со времен незапамятных, и диапазон их весьма широк — от комплекса неполноценности до комплекса превосходства.

Чаще всего ими страдают отдельные личности, реже — группы людей и еще реже — нации.

Комплекс, ставший героем нашего повествования, не зарегистрирован ни в одном учебнике психиатрии, хотя и представляет собой почти классический образчик патологии общенационального масштаба. Это военно-промышленный комплекс Соединенных Штатов Америки — союз военщины, фабрикантов оружия и политиканов.

Как ни удивительно, одним из первых схватился за голову бывший президент США генерал Дуайт Эйзенхауэр. 17 января 1961 года, покидая Белый дом, он обрисовал тревожные масштабы заболевания. «Тотальное влияние этого комплекса,— сказал экс-президент,— экономическое, политическое и даже духовное, ощущается в каждом городе, законодательном собрании каждого штата, в каждом учреждении федерального правительства».

Конечно, военно-промышленный комплекс появился на свет задолго до «открытия» Эйзенхауэра. Еще в 1947 году, когда общеамериканский атомный психоз только начинался, коллега Эйзенхауэра генерал Эдсон демонстративно подал в отставку, заявив при этом во всеуслышание: «Я военный человек и горжусь этим. Но я вижу, что складывается такое положение, когда военные направляют политику нашей страны, вместо того чтобы поддерживать ее. Мы идем по пути, который ведет нас к утрате всех идеалов».

Шествуя по этому пути вот уже более 20 лет, Соединенные Штаты зашли еще дальше, чем предполагал генерал Эдсон. Теперь американская армия воюет во Вьетнаме за утверждение идеалов маршала Нгуен Као Ки, объявившего на весь мир, что его идеал — Гитлер.

Такого рода сдвиги понятий, по утверждению психиатров, свидетельствуют о серьезном заболевании. И в США оно налицо. Американцы практически не имеют иммунитета против этого заболевания. Военщина — видимая и невидимая, бывшая и настоящая, в погонах и во фраках — окружает их всюду наподобие вирусов, проникающих даже сквозь стену.

Недавно один дотошный сенатор подсчитал, что в ста ведущих концернах, выполняющих заказы Пентагона, работают 2 072 отставных старших офицера и генерала. По мнению сенатора, «переход высокопоставленных военных чинов на работу к крупным военным подрядчикам и обратный переход руководителей основных военно-промышленных компаний на руководящую работу в Пентагон — типичный пример деятельности военно-промышленного комплекса». Налицо, как видите, прямо-таки семейное родство. Вы нам — заказы Пентагона, мы вам — теплое местечко в корпорации, когда выйдете в отставку.

Да и только ли работу?

Десять лет назад подкомиссия конгресса по делам вооруженных сил накрыла 27 высших чинов Пентагона, включая самого председателя комитета начальников штабов, на элементарном взяточничестве. Взятки эта компания брала живой натурой — развлекалась за счет авиационной компании «Мартин» в первоклассных борделях на Багамских островах.

Подкомиссия метала громы и молнии, но ни с одного из 27 пентагоновских гуляк не упало и волоса. Зато владельцам «Мартина» перепали наикрупнейшие военные заказы тех лет. Да и конгрессмены-то подняли тогда шум больше для отвода глаз: ведь сами они и их коллеги крепко-накрепко связаны с военно-промышленным комплексом.

Всякий раз, когда утверждается очередной бюджет Пентагона, конгрессменами и сенаторами овладевает ажиотаж, граничащий с помешательством. Причину этого массового заболевания на Капитолийском холме предельно четко сформулировал член палаты представителей конгресса США Джеймс Л. Уиттен. «Дело у нас дошло уже до такой точки,— выложил он одному корреспонденту в минуту откровенности,— что длительность пребывания конгрессмена или сенатора в конгрессе определяется не его личными достоинствами, а тем, сколько он сможет выколотить военных подрядов для своего избирательного округа».

Ну как в такой обстановке немногим «голубям» в американском конгрессе сопротивляться натиску «ястребов»? Заклюют! И не случайно сенатор Фулбрайт не так давно с грустью признался в своем фиаско: «За 25 лет мы не выиграли ни одного боя против военных ассигнований».

В отличие от театральных драм, в финале многочисленных трагедий, поставленных военно-промышленным комплексом, погибают не главные действующие лица, а участники массовых сцен, как это происходит сейчас во Вьетнаме. Ввязываться в эту войну, как признают теперь уже миллионы американцев, для Соединенных Штатов было чистым безумием. Но для военно-промышленного комплекса это норма. Без войны и гонки вооружений он бы попросту зачах, и поэтому его заправилы действуют по принципу: «Если бы войны не было, ее следовало бы выдумать».

В цивилизованном обществе заразных больных принято изолировать, а ходячим носителям инфекции рекомендуется хотя бы надевать марлевые повязки. Пентагону же начхать на все. Он так и брызжет вирусами милитаристской идеологии. Эту заразу источают 250 пентагоновских радиостанций, разбросанных по всему миру, 34 военных телецентра, а также сотни брошюр, книг, газет и журналов. Ежегодно на экраны США Пентагон выпускает около 30 короткометражек, пропагандирующих воззрения военно-промышленного комплекса и его «заслуги» перед Америкой и перед всем человечеством.

Характерный симптом общества, пораженного комплексом,— лихорадочно возбужденная болтливость генералов. С речами и интервью американские генералы выступают не реже членов правительства США. Выступают, кстати сказать, не на сугубо военные темы, а все больше на политические.

«Ораторы из Пентагона,— свидетельствует журналист Джек Реймонд,— особенно кадровые офицеры, выступая в частных патриотических обществах, торговых палатах, на деловых конгрессах и тому подобных собраниях, часто пользуются гораздо большим успехом, чем «полосатые штаны» из госдепартамента или представители других министерств со своими маловразумительными профессиональными речами».

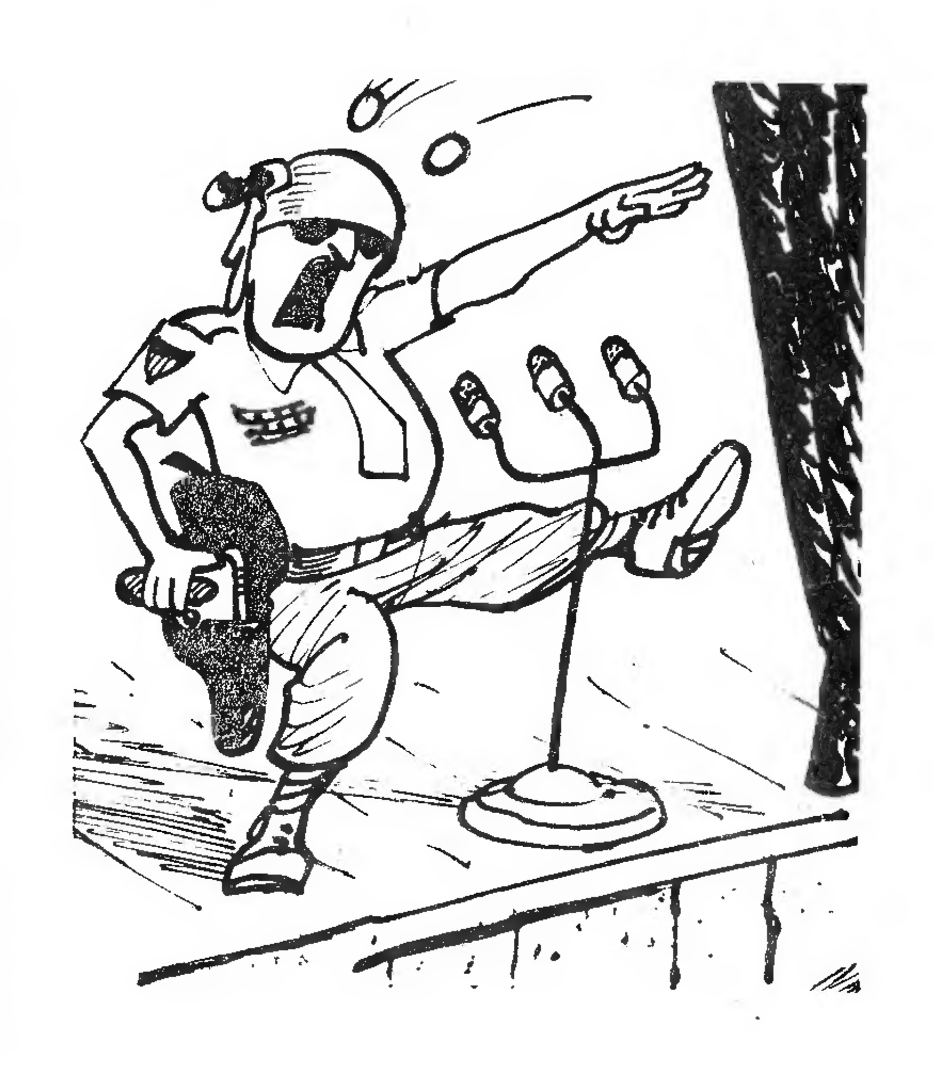
«Полосатым штанам», конечно, конкуренцию с «медными лбами» выдержать трудно. Лбы говорят четко, ясно, как положено по уставу. Вот, например, капитан Сангер, командир военной базы в Сиетле. В свободное от службы время он вместе с группой таких же ораторов-любителей в униформе разъезжал по Калифорнии с лекциями и пропагандистскими фильмами. Одна из этих лент показывала студенческие беспорядки в Сан-Франциско и предупреждала, что «коммунистическое влияние проникло в учебные заведения всей страны». Другой фильм назывался «Коммунизм на карте». Его авторы кричали с экрана, что «США попали в окружение социалистического мира», а виноваты-де в том президент Рузвельт, признавший Советский Союз, и генерал Макартур, позволивший коммунистам захватить Китай.

Бывший командир корпуса морской пехоты США генерал Шоуп в горькой статье-исповеди печально резюмировал:

«Милитаризм в Америке находится в полном цвету и обещает в будущем активное самоопыление... если разочарование, порожденное Вьетнамом, не покажет, что милитаризм — это скорее ядовитый сорняк, чем прекрасный цветок».

Разочарование в грязной войне уже охватило Америку. Но против военно-промышленного комплекса это все же не противоядие. Спастись от него возможно, только вырвав этот ядовитый цветок с корнем.

А пока под щедрым долларовым дождем он растет, как на дрожжах, и от его тлетворного запаха сотни, тысячи американцев теряют головы не только в переносном, но и в прямом смысле.

Юрий СЕНИН

СЕКРЕТ ЗДОРОВЬЯ

Вопрос о том, как прокормить голодных, волнует человечество с незапамятных времен. Не рискуя, однако, вторгаться в джунгли истории, мы решили ограничиться событиями сегодняшнего дня и углубиться в другие джунгли — гавайские.

В нашем воображении с Гавайями связаны гавайская гитара, трепет косматых пальм и шуршание океанской волны. Между тем эти острова — один из пятидесяти штатов Америки — известны еще и беспросветной бедностью туземного населения.

Но вот несколько лет назад на берег одного из Гавайских островов высадилась ватага деловитых американцев. Лавируя между бронзовоскульптурными группами отдыхающих, они почти бегом преодолели пляжную полосу и исчезли в чащобе. Впрочем, их след не затерялся. Примерно через полгода до окрестного населения дошел слух, что пришельцы открыли на острове «мазерхуд сентер» (центр по охране материнства), где будто бы обещают задаром кормить всех желающих питаться бесплатно матерей. Естественно, что у дверей центра в первый же день его работы выстроилась длиннющая очередь желающих, которые нервозно помахивали вместительными авоськами из лиан в расчете на сухой паек для своих домочадцев.

Но янки из «мазерхуд сентер» никого не думали кормить. Они прибыли на острова как носители высшей цивилизации, и грубая процедура кормежки их не интересовала. Их миссия, как оказалось, состояла в «просвещении».

— Мы здесь для того, чтобы научить вас правильно питаться,— с такими словами они обратились к голодным.— Мы собрали вас, чтобы поскорей приобщить к науке о питании и открыть секрет здоровой и, главное, дешевой пищи.

Когда шум, вызванный этим мало что говорящим желудку сообщением, поулегся, странные люди приступили к делу.

— Вы едите бобы? — обратился один из пришельцев к группе туземцев.

— Йес,— на ломаном английском отвечала толпа.

— А маис?

И снова ответом было дружное «йес» с легким гавайским акцентом.

— В таком случае считайте, что все в порядке. Вам остаются совсем пустяки. Зарубите себе на носу: бобов надо брать одну часть, а маиса — две. Непонятно? Разъясню. Пропорция такая — один к двум, ясно? Берете одну горсть бобов, две — маиса. Улавливаете? Одна — бобы, две — маиса, потом опять одна и опять две и так далее. Высыпаете всю эту смесь в ступу и толчете.

И непонятливым аборигенам снова и снова объяснили, что все дело в пропорции (а не в порции), что рекомендованное соотношение один к двум спасет их от голода. При этом на их головы щедрой Ниагарой обрушивались непонятные научные слова, вроде «калории», «антитоксичный», «аминокислотный», «баланс» и т. п.

Обратно в деревни люди возвращались с пустыми руками, если не считать глянцевых красочных проспектов, со страниц которых лучезарно улыбались туземцы, питающиеся по принципу один к двум...

Нарисованная выше картина не вымысел. Она основана на статье в американском журнале «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт». Правда, этот орган, восхищенный гавайским «экспериментом» (еще бы — никаких затрат на борьбу с голодом!), в суматохе не разглядел, какие поистине волнующие перспективы отныне открываются на материке — в остальных сорока девяти штатах.

Приходит, скажем, на дом к обителю трущобных джунглей где-нибудь в Чикаго дипломированный специалист по питанию и выясняет, что питается бедолага без всяких пропорций. Сидит на хлебе и воде, при этом как бог на душу положит: воды пьет сколько влезет, а хлеба ест сколько позволяют средства. А ведь он мог бы на свои центы получить калорий столько же, сколько, к примеру, сам Рокфеллер на свои проценты. Для этого необходимо лишь свести потребление воды к пропорции один к двум по отношению к потреблению хлебу...

Правда, до подобных рекомендаций в Америке дело еще не дошло. Но если проблему борьбы с голодом будут и дальше решать по формуле «один к двум», то наша гипотеза может оказаться пророческой.

Как Бонн представляет себе НАТО в будущем.

Рисунок Милко **ДИКОВА** (Болгария)

НОГАННЕСБУРГ (ЮАР). Бизнесмен Фрэнк Томпсон во время деловых поездок всегда берет с собой слугу, которого запихивает в... багажник автомашины. Даже привыкшие к самым гнусным формам расизма газетчики удивились и задали Томпсону вопрос: «Почему, собственно говоря, сэр, вы так поступаете?» Бизнесмен ответил с завидным спокойствием: «Мой слуга черный, следовательно, там ему и место».

* * *

ТОКА (Колумбия). Местом необычайных событий не так давно стал город Тока. Там произошло восстание «амазонок». Две тысячи жительниц города под храбрым водительством синьоры Виктории Камахо де Азула заняли все стратегические пункты: муниципалитет, почту, железиодорожную станцию, полицейское управление и т. д. С балкона здания муниципалитета Виктория объявила, что арестованные ее амазонками мэр, начальннк полиции и другие городские чиновники не будут освобождены из-под ареста до тех пор, пока в городе не будут разоблачены и ликвиднрованы коррупция, протекционизм, кумовство и прочие неблаговидные делишни местных властей.

Власти не решились подавить оружием бунт «амазонок». После нескольких дней переговоров женщины освободкли занятые имк здания.

* * *

ДЕТРОЙТ. Образчиком супружеской сверхоперативности является некий Фред Оун из штата Мичиган. Он предстал перед местным судом по следующим трем пуиктам обвинения: а) заплатил фальшивым чеком за обручальное кольцо для четвертой жены, б) забыл предварительно развестись со своими второй и третьей жеиами, в) украл у третьей жены автомобиль, чтобы поехать в свадебное путешествие с четвертой.

* * *

РИО-ДЕ-ЖАНЕЙРО. Неуловимые гангстеры за несколько месяцев совершили 65 ограблений банков в Сан-Пауло, Рио-де-Жанейро и других крупных городах Бразилни. Последним в Рио был ограблен банк, находящийся по соседству с полицейским управлением, причем налетчики скрылись на полицейской автомашине. Но, как говорится, полицня выше подозрений...

* * *

НЬЮ-ЙОРК. Американка Эллен Ватсон вставила решетки во все окна своей квартиры. Она объяснила репортерам, что сделала это вовсе не из боязни воров.

— Мой муж,— объяснила она,— вскоре возвращается из тюрьмы после длительного заключения. Я хочу, чтобы он чувствовал себя как дома...

* * *

МОНТЕВНДЕО. По приказу уругвайского министерства юстиции администрация тюрьмы в Монтевидео освободила некоего Хозе Гонзальеса, отбывавшего долгосрочное заключение за систематическое изготовление фальшивых документов.

Позднее оказалось, что и распоряжение об освобождении Гонзальеса было фальшивкой, изготовленной им самнм в тюремной камере и затем с чьей-то помощью пересланное по почте начальнику тюрьмы.

В ГЛУХОЙ ОБОРОНЕ

Зной мучил станицу Каневскую.

Председатель райпотребсоюза товарищ Бут сидел на крылечке и кротко беседовал с потребительницей. Изучал спрос.

— Что ж ты, бабуся, духи-то не покупаешь? Смотри, уйдет от тебя дедушка!

Бабуся на это рассудительно заметила, что деду деваться теперь некуда и потому духи ей уже без надобности.

— Нам что попроще,— сообщила она,— платков темных, штанишков детских. Рвут одежку внучата. Менять надо штанишки.

Но этим товаром райпотребсоюз потребителей не баловал. Полки магазинов больше украшали духи, одеколон. Председатель хмурился. И тут станицу потревожил трубный глас товарища Лысько, председателя сельпо:

— Станичники!

Была примета: если товарищ Лысько кричал «Станичники!», значит, с сельпо дело плохо.

— Постой, бабуся, кажись, нас грабят! — нервно сказал товарищ Бут и помчался на глас.

И точно: со стороны Донбасса в станицу нагрянули торговые автолавки и вели бойкую распродажу платков, штанишек и всего такого прочего. Их появление грозило сильно подорвать местную торговлю парфюмерией. Ехать в Краснодар, выколачивать такой же товар, чтобы выбить пришельцев сильной конкуренцией, было поздно. И товарищ Бут закричал:

— Милиция!

А когда товарищ Бут кричал «Милиция!», к нему спешно отправлялся усиленный наряд. Короче: пришельцев погнали в шею. В станице установилось спокойствие. Товарищ Бут вернулся на родное райпотребсоюзовское крылечко, смахнул с висков трудовой пот и продолжил беседу с потребительницей:

— Уйдет, уйдет от тебя дедушка, бабуся. Душись! И тогда ни одна красотка его не заманит!

В. ВАЛЕНТИНОВ

— До зоопарка он заведовал столовой.

Рисунок Е. ГУРОВА

Виталий ГАБЕЛКО

ГОЛУБОЙ ЛИМАН

Директор завода «Зюйдмашстрой» Федор Евсеич Магнезия сидел у себя в кабинете и просматривал утреннюю почту. Дверь в кабинет отворилась, и по ковровой дорожке — 14 руб. 87 коп. за метр — к директорскому столу возбужденно прошагал предзавкома Тарануха.

— Читали, Федор Евсеич? — спросил он, размахивая газетой.— На весь Союз прогремели.

— Не может быть, до конца квартала еще две недели,— недоверчиво произнес директор, привычно хватаясь за левый бок.— А как мы... прогремели? С какой стороны?

— С положительной, Федор Евсеич, с положительной,— мажорно ответил предзавкома Тарануха.— Вот, полюбуйтесь. «Завод «Зюйдмашстрой» построил на берегу Голубого Лимана пансионат. Скоро светлые корпуса заводской здравницы заполнят первые отдыхающие».

— Да, светлые корпуса...— задумчиво сказал директор.— А как квартальный план закрывать будем, когда нас заводы-поставщики за горло держат? Что делать, ума не приложу. Всех снабженцев разогнал по заводам, а толку?

— А что, если мы, Федор Евсеич, того, в народный контроль...— начал было Тарануха, но тут зазвонил телефон.

— Северо-Новский подшипниковый завод, Федор Евсеич,— сказала секретарь.

Директор снял трубку.

— Алло, Магнезия! Привет! Чего не звонишь? Из-за подшипников дуешься, хитрец этакий. Курорт союзного значения втихаря отгрохал—и молчок! Спасибо, пресса не дремлет.

— Директор ихний,— тихо сказал Магнезия Таранухе, прикрывая ладонью телефонную трубку.

— Чего ему? — почуял недоброе предзавкома.

— Говорит, что его жене врачи прописали грязи Голубого Лимана.

— Начинается,— упавшим голосом сказал Тарануха,— прогремели...

— Подшипники, говорит, самолетом отгрузит. Уже, говорит, наш снабженец побежал накладные оформлять,— комментировал директор свой разговор.

Потом междугородная трезвонила весь день. Директоры смежных предприятий поздравляли Магнезию и обещали срочно отгрузить вентили, насосы, электроаппаратуру, стальной пруток, белила и прочий дефицит.

К концу дня раздался звонок с противоположного конца нашей необъятной страны. Звонили с усть-климовского завода «Тяжмашвинт».

— Видно, к ним газеты позже всех доставляют,— ехидно сказал предзавкома.

— Ссылаются на тяжелые климатические условия,— шепотом пояснил директор.

— Сколько просят? — уныло спросил предзавкома Тарануха.

— Три путевки,— ответил директор, держа трубку на отлете.

— Федор Евсеич,— умоляюще прошипел предзавкома,— у нас всего десять мест осталось. Пансионат не резиновый.

— План, понимаешь, обязательно надо выполнить,— вздохнул директор и положил трубку.

г. Минск.

Владимир МАСС

Мама лучше всех...

Это не фельетон. Это песнь о большой материнской любви. Чистой и бескорыстной. Это документальное сказание, связанное с острейшей проблемой эстетического воспитания детей. Это грустная новелла о том, как некоторые бесчувственные работники печати, в частности сотрудники одной районной газеты во главе с ее редактором, растоптали зеленый росток молодой советской поэзии и лишили широкие слои наших читателей необходимой им, как воздух, поэтической пищи.

Своим равнодушием и полным непониманием детской психологии эти формалисты заглушили юный талант, не дав ему по-настоящему заколоситься.

Все началось с того, что Танечка С., ученица 3-го класса одной из школ Костромской области, стала сочинять стихи.

Танина мама неожиданно обнаружила у нее под подушкой ученическую тетрадку, всю исписанную короткими строчками, в конце которых изредка можно было заметить рифмы.

Рифмы были простые, отглагольные, вроде «подбираю — сочиняю» или «сказала — списала». Но попадались и такие, которым мог бы позавидовать даже Роберт Рождественский: «флажок» — «хорошо», «милые» — «любимые» и другие.

Мама была потрясена: у Танечки — талант! Танечка — поэтесса!

Стихи были слабые, это мама понимала. Но мама есть мама. Она тут же принялась доводить их до совершенства.

Отшлифовав стихи до полного блеска, мама от Таниного имени стала регулярно посылать их в редакцию районной газеты. И несколько Таниных стихотворений вскоре были напечатаны под рубрикой: «Творчество наших юнкоров и рабкоров».

Там же было помещено и наиболее зрелое Танечкино стихотворение: «Бабушка и мама лучше всех»,— которое мы позволим себе процитировать почти целиком, уверенные, что его с наслаждением и с пользой прочтут все любящие поэзию читатели «Крокодила»:

Скажу вам, подружки,
По секрету я:
«Самая хорошая
Мамочка — моя».

Верочка сказала:
«Мамы лучше нет,
Подтвердит об этом
Даже целый свет».

...Маленький Олежка
Говорит упрямо:
«Лучше нет на свете
Бабушки и мамы».

Помирю я всех вас,
Детки мои милые!
Мамы все хорошие,
Бабушки — любимые.

Но за то, ребята,
Скажу я вам прямо,
Бывает обидно,
Кто огорчает маму.

Прелестные стихи! Как можно было их не напечатать? Сколько детской непосредственности и трогательной до слез доброжелательности чувствуется в обращении юной поэтессы к своим друзьям и подружкам:

Помирю я всех вас,
Детки мои милые!

Какая наивная нежность и в то же время железная убежденность звучит в заключительных строчках этого стихотворения:

...Скажу я вам прямо,
Бывает обидно,
Кто огорчает маму.

Когда Танечка увидела плоды своего вдохновения на страницах районной газеты, она почувствовала огромный прилив творческой энергии. Все обещало приближение Танечкиной «Болдинской осени». Жажда самовыражения усилилась. Пламя поэтического воодушевления вспыхнуло в ее душе еще ярче.

Но бесчувственная редакция, которой удалось разжечь это пламя, тут же и погасила его: она не выписала Тане за ее стихи гонорара (2 руб. 50 коп.)

— Это что же?— возмутилась мама.— Газета будет похваляться Танечкиными стихами, а мы изволь деньги с Пушкина получать? Не выйдет!..

— Мама права,— решила Таня.— Даром я самовыражаться не буду. Пусть не надеются!..

Но мама не хотела допустить крушения своих надежд. Она решила бороться.

На повторное требование об уплате Тане гонорара потерявшая совесть редакция ответила, что деньги несовершеннолетним не выплачиваются. При этом она не постеснялась заметить, что стихи писались с помощью посторонних.

Ну можно ли так, товарищи? Маму, родную Танину маму, маму, готовую на все, чтобы привить ей любовь к прекрасному, маму, потратившую столько сил, чтобы сделать дочь вдохновенной, хорошо зарабатывающей поэтессой, редакция позволила себя назвать «посторонней»! Какое кощунство!

Да, мы знаем, что закон не дает Тане права самостоятельно распоряжаться гонораром до достижения пятнадцатилетнего возраста. Но ведь деньги, причитающиеся ей за стихи, могли быть перечислены в сберкассу на ее имя.

Мы знаем также, что мама могла бы распорядиться этой суммой только с разрешения отдела народного образования.

И, принимая во внимание столь значительное участие мамы в создании Таниных сочинений, ей, несомненно, пошли бы охотно навстречу.

А теперь? Как быть теперь?

Мама, не желая иметь дело со сберкассой, обращается с письмом в столичную редакцию. Вот что она пишет:

«Девочка была заинтересована и охотно марала в тетради, после чего я сама выправляла написанное. Может быть, я и не права здесь, но хотелось привить у девочки к чему-то склонность. После ответа из редакции Таня забросила свое занятие. Говорит, что оно не стоит испорченной бумаги».

Вот что вы наделали, упрямые педанты из районной газеты! Мама старалась привить, а что сделали вы? Вы забыли про стимул материальной заинтересованности. Подрубили под корень редкий поэтический дар. Нанесли незаживающую рану в сердце матери. Поставили непроницаемую преграду на пути дальнейшего поэтического воспитания ребенка.

И все пошло насмарку. Осиротела страна поэзии. Холодно в ней стало и пусто. Таня не хочет больше «марать в тетради». Молчит ее святая лира! Тщетно Аполлон призывает ее к священной жертве. Таня продолжает упорствовать.

Нехорошо, очень нехорошо поступили вы, уважаемые товарищи газетчики!

А мама? Что мама? Мама, как уже было сказано, лучше всех.

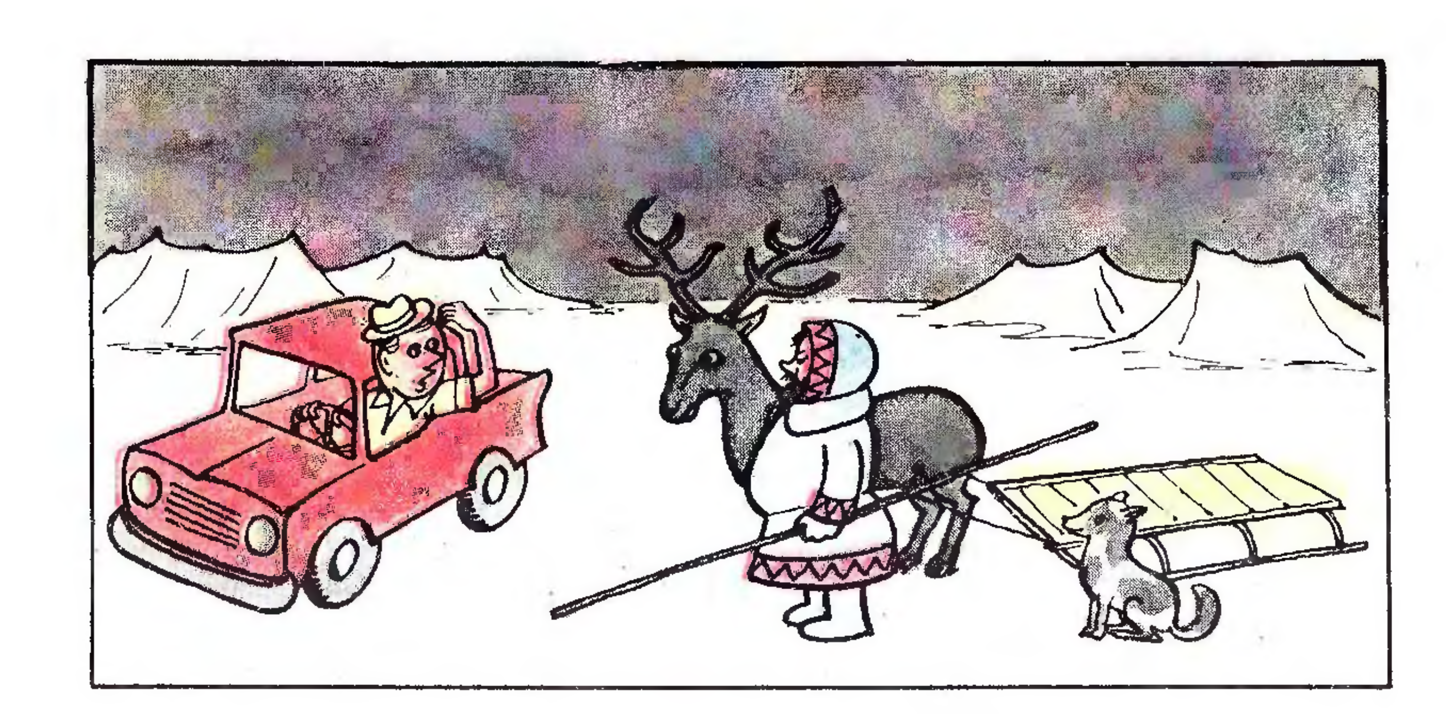
— Подарил я жене книгу о домашнем консервировании...

Рисунок Ю. УЗБЯКОВА

На долгоиграющую пластинку.

Рисунок А. ГРУНИНА

— Конечно, вчера я был выпивши, но неужели так сильно?..

Рисунок В. СОЛОВЬЕВА

Азиз НЕСИН

АРХИТЕКТОР, КОТОРЫЙ ПОСТРОИЛ АМЕРИКУ

Утром учитель сказал нам, что у нас на уроке будет присутствовать инспектор. Мы видели, что учитель волнуется, и сами волновались больше него.

Мы знали, что этот инспектор был уже в других школах. Мы спросили ребят из соседних школ, что он у них делал. Они сказали, что в каждом классе инспектор просил учителя написать какой-нибудь пример и проверял его решение. Потом он предлагал писать стихи под диктовку и просматривал тетрадки. После этого он сам задавал везде одни и те же вопросы: когда была открыта Америка? Кого ты больше всех любишь? Кто завоевал Стамбул? Кто построил мечеть Сулеймание?

Учитель велел принести нам новые тетрадки. Он написал на доске решение примера и сказал, чтобы мы списали его в тетради. Когда мы списали пример, учитель написал на доске стихотворение.

— И это тоже внимательно перепишите в свои тетрадки,— сказал он.

Мы списали и стихотворение. Учитель проверил тетради и исправил ошибки.

— Дети, если придет инспектор, я попрошу вас решить этот пример и продиктую это стихотворение. Кроме того, я попрошу вас запомнить ответы на некоторые вопросы. И если инспектор спросит кого-нибудь из вас, вы сразу же ответите.

И мы вызубрили назубок ответы.

— В каком году была открыта Америка?

— В 1492-м,— орали мы хором.

— Кого ты больше всех любишь?

Тут поднимался шум, потому что все отвечали по-разному. Один кричал — маму, другой — папу, третий — Ататюрка..

Потом учитель задавал третий вопрос:

— Кто завоевал Стамбул?

— Султан Мехмед Фатых! — отвечали мы дружно и уверенно.

— Кто построил мечеть Сулеймание?

Учитель еще не успевал договорить до конца, как мы все орали:

— Архитектор Синан!..

Два дня подряд мы зубрили ответы на эти вопросы.

— Смотрите же, не забудьте,— повторял все время учитель.

У меня в голове только и вертелись ответы: 1492, отца, султан Мехмед Фатых, архитектор Синан. 1492, отца, султан Мехмед Фатых, архитектор Синан. 1492, отца... Где бы я ни был, я по порядку шептал эти ответы.

— Ты что, заболел? — спросила меня мама перед школой.

— Нет,— ответил я.

— Ты всю ночь повторял: 1492, отца, султан Мехмед Фатых, архитектор Синан... Я решила, что у тебя жар.

В тот день к нам на первый урок пришел инспектор.

— Продиктуйте какое-нибудь стихотворение,— попросил инспектор учителя.

— Дети, приготовьте тетради и пишите.

Учитель стал диктовать стихотворение, которое мы написали раньше. Многие ребята даже писать не стали, а только делали вид, что пишут.

Когда учитель кончил диктовать, инспектор проверил все тетради и не нашел ни одной орфографической ошибки.

— Спасибо. У вас дети грамотные,— сказал он учителю.

Непроверенной осталась только тетрадь Дженгиза, который сидел на последней парте в левом ряду.

— Дай твою тетрадь,— попросил Дженгиза инспектор.

Дженгиз протянул тетрадь.

— Что это? — удивился инспектор.

— Стихотворение.

— Как стихотворение?

Я посмотрел на Дженгиза и понял: он от волнения дал инспектору тетрадь, в которой был решен пример.

— Где стихотворение? — допрашивал инспектор.

Еще немножко, и Дженгиз достал бы тетрадь, в которой оно было написано. Но тут он увидел учителя: тот стоял за спиной инспектора и делал Дженгизу умоляющие знаки. Дженгиз понял.

— Я не смог написать стихотворение,— сказал он.

Инспектор повернулся к учителю и сказал:

— Напишите на доске какой-нибудь пример.

Учитель покраснел, как свекла.

Мы ведь думали, что сначала будем решать пример, а потом писать стихотворение, как было в других школах, но инспектор изменил порядок, вот Дженгиз и перепутал.

Инспектор стоял с тетрадкой Дженгиза, и учителю пришлось написать на доске другой пример. Ты знаешь, что с математикой у меня всегда было хорошо. Но тут мы все так растерялись, что многие не смогли ничего решить. Проверив наши тетрадки, инспектор нахмурился. Учителю было очень стыдно. Я подумал про себя: если бы инспектор задал вопросы мне, я бы ответил ему без запинки. Мне очень хотелось помочь учителю, и я повторял про себя: 1492, отца, султан Мехмед Фатых, архитектор Синан...

Инспектор будто угадал мое желание.

— Встань,— сказал он мне.

Я с радостью вскочил, а что было дальше, мне потом рассказали ребята.

— В каком году ты родился? — спросил меня инспектор.

От волнения я не понял вопроса и решил, что инспектор спрашивает, в каком году была открыта Америка.

— В 1492-м.

От удивления у инспектора глаза на лоб полезли.

— Что-о-о? В каком?

— В 1492-м,— уверенно повторил я.

— Кто завоевал Стамбул? — спросил меня инспектор.

— Отец.

Мне в голову не пришло, что инспектор может задавать вопросы не в том порядке, как в других школах.

— Я спрашиваю тебя, кто завоевал Стамбул? — закричал он.

— Мой отец, господин инспектор.

— Кто твой отец?

— Архитектор Синан, господин инспектор.

— Ты что, вопросов не понимаешь? Я спрашиваю, кто твой отец, а ты мне отвечаешь — архитектор Синан...

Тут только я понял, что сказал глупость. Но от волнения и крика инспектора никак не мог взять себя в руки.

— Что сделал архитектор Синан? — продолжал спрашивать меня инспектор.

Я совсем смутился.

— Завоевал Стамбул.

— Кто?

— Архитектор Сулейман,— постарался я исправить свою ошибку.

— Кто же в таком случае построил мечеть Сулеймание?

— Султан Синан Фатых.

Я понимал, что все перепутал, но уже не мог остановиться.

Инспектор так разозлился, что и сам все перепутал.

— Сынок,— сказал он,— Америку построил султан Мехмед, а мечеть Сулеймание открыл Фатых Синан.

Ребята заметили, что он говорит неправильно, и начали улыбаться. Инспектор понял, что ошибся.

— Я хотел сказать, что мечеть Синание построил архитектор Сулейман, а Фатыха открыл архитектор султан Мехмед,— решил он исправиться. А потом в ярости закричал: — Ты меня совсем запутал, мальчишка! — и пулей выскочил из класса.

В классе стояла мертвая тишина...

Перевели с турецкого А. СВЕРЧЕВСКАЯ и В. ФЕОНОВА.

Отрывок из повести «Наши дети — вундеркинды».

— Теперь в нашем парке будет порядок!

Рисунок В. ЖАРИНОВА

Игорь ЧЕРВЯКОВ

ОРИГИНАЛЬНЫЙ СЮЖЕТ

Получив премиальные, я долго думал, как бы рациональнее их истратить. Помог случай. Я встретил приятеля.

— Как, у тебя нет кинокамеры?! — удивился он.— И ты еще считаешь себя культурным человеком?! Но тебе повезло, старик! Я продам тебе свою. Деньги, понимаешь, нужны. Небольшой финансовый кризис...

Так я сделался владельцем киноаппарата. Теперь меня волновал только один вопрос: что снимать?

Я перебрал десяток сюжетов, но все они были заезжены кинохроникой, а в последнее время и кинолюбителями до омертвения. На помощь пришла жена.

— Давай снимем фильм о нашей Анютке,— предложила она.— Дочка станет взрослой, а пленка сохранит ее малышкой... По-моему, это будет очень оригинально!

Я трудился в поте лица. Наша годовалая Анюта была запечатлена в зоопарке, на прогулке, за едой, на даче, на палубе прогулочного теплохода и, как апофеоз, за шахматной доской.

Фильм, по мнению жены, удался. Поэтому я решил показать его на конкурсе любительских лент.

Первым демонстрировался фильм «Сережа». Пятилетний Сережа был снят в зоопарке, на прогулке, за едой, на даче, на палубе теплохода и, как апофеоз, за шахматной доской. Потом запустили «Наденьку». Вместе с семимесячной героиней мы побывали в зоопарке, на прогулке, за обеденным столом, на даче, на палубе теплохода и, как апофеоз, наблюдали ее в шахматном сражении с бабушкой...

Посмотрел я эти фильмы и, решив не утомлять киномеханика и зрителей, отказался участвовать в конкурсе.

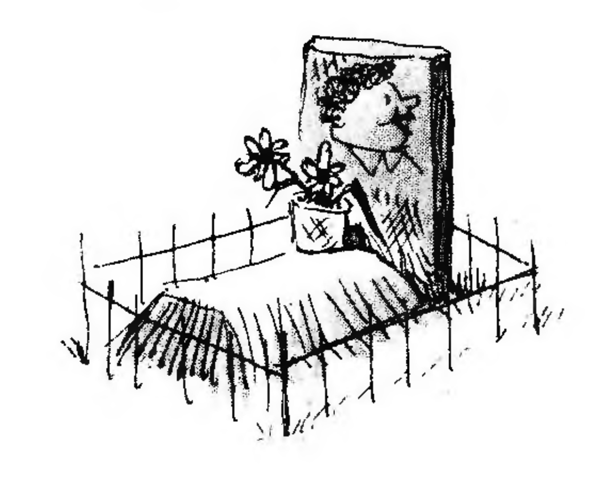
А вы еще не сделали оригинальный фильм о своем ребенке? Тогда заходите. Я как раз продаю кинокамеру. Небольшой финансовый кризис...

Андрей ВНУКОВ

ПЕСЕНКА О КОЛОБКЕ

Жил да был человек,
Человек-колобок,
Он по жизни
Катился беспечно,
Никому, никогда
И ни в чем не помог,
Но доволен собою
Был вечно:
«Я обязанности
Не обязан нести
И к привязанностям
Не привязан,
Ты, мамаша, прости,
Ничего не проси,—
Я тебе ничего не обязан!»
У супруги он взял
Пианино и шкаф,
Но оставил ей
Дочку и сына,
На прощанье супруге
Письмо написав:
«Дорогая моя
Половина!
Я обязанности
Не обязан нести
И к привязанностям
Не привязан,
Ты, Маруся, прости,
Ребятишек расти,—
Я тебе ничего не обязан!»
Он работал слегка
От звонка до звонка
И ничем не интересовался...
Если ж просьба дошла
До того Колобка,
Он от просьбы
Немедля смывался:
«Я обязанности
Не обязан нести
И к привязанностям
Не привязан,
Ты, проситель, прости,
Что мне груз твой нести?—
Я тебе ничего не обязан!»
А однажды в свой срок
Он от жизни утек,
То есть помер он,
Скажем научно.
Но с улыбкой лежит
На столе Колобок
И доволен собой,
Потому что:
Он обязанности
Не обязан нести
И к привязанностям
Не привязан,
И в желаньях своих
Он предела достиг,—
Никому! Ничего! Не обязан!

НЕПОДДАЮЩИЕСЯ

На территории Ивановского завода чесальных машин круглосуточно работает выставка, наглядно демонстрирующая влияние природных условий на предметы промышленного производства, как-то: лес строевой, трубы стальные, кирпич огнеупорный и т. п. Репортажи с выставки вот уже несколько месяцев украшают фотостенд группы народного контроля завода.

Каждый ивановец, посетив выставку, видит, как эффективно солнце, воздух и вода воздействуют на дорогостоящие стройматериалы. А постояв перед стендом, убеждается, что на руководителей завода ничто не действует.

Даже народный контроль.

А. КОЗЛОВ

ЭХО ДАЛЕКИХ ГУДКОВ

Даже из центральной части города Элисты отчетливо видно, как вдалеке, на окраине, переходящей в необозримую степь, одиноко застыли разбросанные железнодорожные вагоны.

— Глядишь, скоро вступит в строй и железная дорога,— радуются элистинцы.— Построят вокзал... Эхо гудков доносится до нас!

Радость элистинцев естественна и понятна: железная дорога в калмыцкой степи, где всегда было неистребимое бездорожье,— чего еще лучше? Конечно, поездка за сто, двести километров для степняка — обычное дело. А зимой попробуй: пурга, гололед, черная буря... Останавливаются автобусы. Закрывается аэродром. «Элиста не принимает».

Однако долгое время до элистинцев доносилось не эхо гудков, а отзвуки ведомственных споров. Одни утверждалн, что строить невыгодно: от станции Дивное Северо-Кавказской железной дороги сто два километра. Дивное — тупик. Что же получается: из одного тупнка в другой? Другие доказывали: Элиста — город с пятидесятитысячным населением, с промышленными предприятиями — надо, надо строить.

И вот в 1965 году началось строительство. А спустя два года первый гудок локомотива возвестил о том, что железная дорога подошла к городу. Однако и этот гудок не принес полной радости. Почему-то еще не было станции, да н путн не были достаточно подготовлены. И тогда пуск железной дороги Дивное — Элиста был назначен на 1968 год.

Но мнновал и этот год, а в Элнсте по-прежнему слышат только эхо далекнх многообещающих гудков: это раз в сутки прибывает рабочнй поезд. Впрочем, здесь надо дать справку. Министерство транспортного строительства и Министерство путей сообщения, хотя и с солидным опозданием, издали совместный приказ: в сентябре 1969 года железнодорожную линию ввести в действне.

Однако взглянем собственными очамк на место действия. Вот он, район будущей станции. Еще издали можно заметить грузы, доставленные теми самыми одинокими вагонамн, что видны из центра города. Горы угля, холмы щебня, пирамиды плит для строек... Все разбросано как попало, грузового двора-то еще нет.

Правда, есть вокзал, но до полной готовности ему еще ох как далеко!

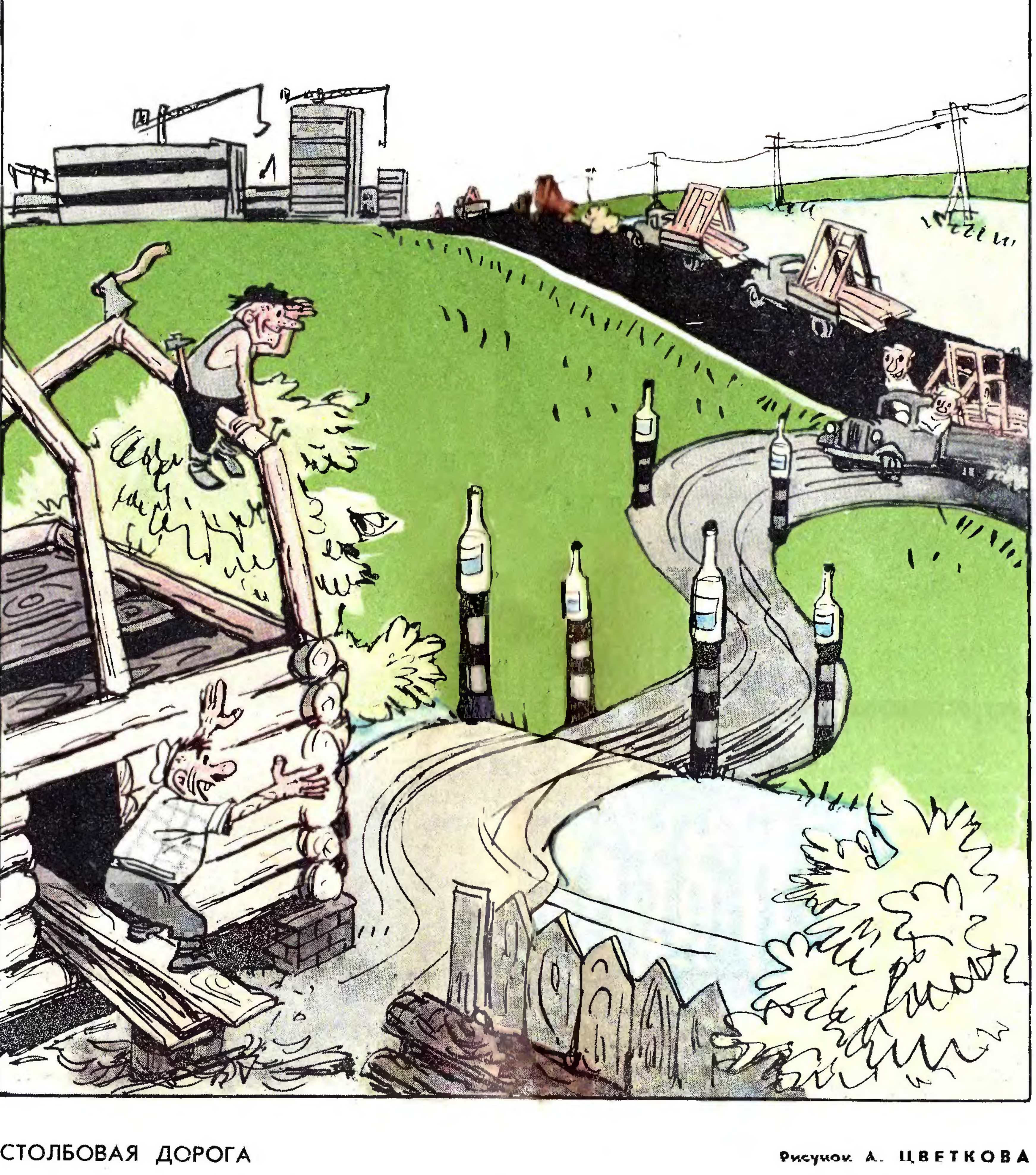
Между тем в приказе двух означенных миннстерств содержится такой длинный перечень еще не выполненных работ, что диву даешься. И укрепление земляного полотна, и возведение различных сооружений, и постройка культбытучреждений.

Основной ответчик за новую железную дорогу — трест «Севкавтрансстрой», где управляющим тов. Дмитриев. И похоже на то, что ему прндется отвечать не только за стронтельство, но и за свою черепашью медлительность...

Нет, не обнадеживающе звучит эхо далеких гудков!

К. ЕРЫМОВСКИЙ

г. Элиста.

СТОЛБОВАЯ ДОРОГА

Рисунок А. ЦВЕТКОВА

Удобный покупатель

Учетная комиссия явно устала.

— Ну и старья у вас накопилось, — сказал председатель, — сдали бы эту макулатуру в утиль, там сразу годовой план выполнят.

— А мы о своем плане беспокоимся, — сказали книготорговцы магазина № 4 гор. Ивано-Франковска.— Утильщикам что ни принеси, энциклопедию или монографию, у них все утиль, по двугривенному за пуд. Поищем новую форму торговли.

И нашли. В адрес какой-нибудь далекой-далекой организации без всякого ее ведома и тем более заказа отгружается наложенным платежом увесистая коробка. Теряясь в догадках, ошарашенный получатель раскрывает кошелек. Срабатывает врожденная любознательность к сюрпризам: что же там внутри? А когда коробку вскрывают, начинаются всякие слова.

Эхо таких слов долго металось меж высоких берегов далекой Ангары, после того, как Иркутская ГЭС получила из Ивано-Франковска 9 кг пожелтевших и совершенно ненужных ей книг, за которые выложила тридцать целковых. По трешнице за чистый килограмм утиля! Вот вам и прибыль! Вот вам и финплан!

А главное, покупатель удобный: не прибежит, за грудки не схватит, потому как дальний...

А. БАЛАШОВ

ВОТ ОНА, СТИХИЯ!

Бурлит Катунь. Несется вскачь, продираясь сквозь скалы, брызжет слюной на крутые берега, всхлипывает на перекатах. Очень непоседливая река. Громкая. Н грохот ее эхом отдается прямо в городе Бийске. Прямо на площади 9 Января. В ресторане «Катунь».

Бурлит «Катунь». Заливается перезвоном посуды, громыхает бочкотарою, салютует гостям крупнонaлиберныmн безоткатными дверями.

Бурлит «Катунь». Для кого — «Катунь», а для кого — дом № 4 на площадн 9 Января. Первый этаж — «Катунь», остальные четыре — дом номер четыре. Так что есть, оказывается, кому оценить. Один этаж гуляет, остальные ценят. Только и делают, что ценят. Каждый день ценят, до полуночи.

Один этаж банкеты претворяет в жкзнь, остальные слушают:

— Сегодня исполняется пятьдесят семь лет нашему старшему экономисту товарищу...

— Один бифштекс два раза!

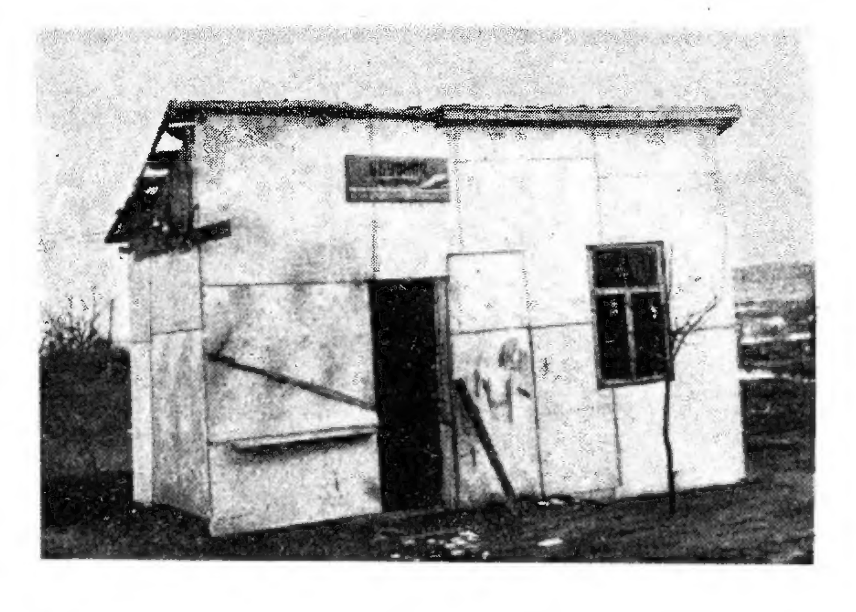
— Многих лет нашему старшему экономисту!

Один этаж пьет, остальные закусывают валкдолом.

...А за полночь, когда пышная алтайская ночь расправляет крылья над Бийском, когда утихает канонада ресторанных дверей и старший юбиляр-экономист сладко икает в своей постели, наступает в «Катуни» час механизмов. Гудят холодкльные установки, щелкают по-соловьиному, включаясь и выключаясь. Н уже не могут разобрать граждане вышележащих этажей, то ли это холодильники щелкают, то ли в висках начинает стрекотать хронический звуковой шок.

А где-то безответственно бурлит настоящая Катунь. Бурлит к бурлит. Никакого с нею сладу. Хорошо, хоть не слышно ее, настоящей...

А. МАТЛИН

НОВОСЕЛЬЕ ПО-МАЙКОПСКИ

На снимке изображено одно из типичных строений, в котором уже более десяти лет размещаются предприятия бытового обслуживания поселка «Минеральный источник», Майкопского района, Адыгейской области. Они возведены для защиты от ветровой и дождевой стихии специалистов по сапожной, парикмахерской и другим нужным населению отраслям. Защита эта, как можно догадаться, неважная, а о комфорте и говорить не приходится. Лучше, конечно, чем охотничий шалаш, но похуже летней дачи. Поэтому работники сферы бытового обслуживания на общественных началах, кирпичик к кирпичику, сложили новое помещение, остеклили его, свет провели и даже к новоселью приготовились.

Оставались до долгожданного новоселья считанные часы, как вдруг прибывает к новому павильону механизированная бригада во главе с представителем Майкопского спиртзавода и начинает без лишних разговоров превращать строение в исходный строительный материал. Окна и двери вместе с соответствующими частями дома в одну сторону, пол — в другую, электропроводку, соответственно,— в третью. Доподлинно неизвестно, какими звуками оглашались окрестности и в какие слова те звуки складывались, но шума было произведено изрядно. Среди общего шума выделился удар, который получил один из работников комбината, пытавшихся защитить строение.

На следующий день, как водится, прибыла комиссия.

— Нетиповой павильон возвели и близко от дороги,— разъяснил директор завода тов. Ляшков членам комиссии,— поэтому мы его и демонтировали.

На том аудиенция закончилась. Комиссия направилась по домам, с тоской поглядывая на «типовые» фанерные сооружения...

В. БЕРДНИКОВ

Александр МОРАЛЕВИЧ,
специальный корреспондент
Крокодила

НОЧЬ, СТАНЦИЯ...

Расстелив на столе карту, взгляните. Здесь у вас под рукой 22,4 миллиона квадратных километров страны. А поскольку она уже не аграрная, а индустриальная держава, вы найдете на карте треугольнички, квадратики, башенки (шахты, металлообработка, нефть...). И заметьте особо: на отдаленном востоке страны их становится все больше.

Итак, прямо к делу: на указанных просторах страны работает множество разнопрофильных предприятий. И, гремя ударно-упряжными частями, по стране мчатся составы, везут миллионы единиц остро ожидаемой на этих предприятиях техники.

— Зеленый,— опознает огонь машинист.

— Зеленый,— вторит помощник.

И только горячий ветер шарахнет из-под колес, стрелочница в сапогах, набитых флажками, прищурится на темповый грохот, и зарябит в глазах от смутной меловой писанины на вагонах и грузах.

Счастливого пути, машинист! Получатели, удачи вам в получении!

И уж как получатель ждет грузы! Экспедитор Черных, подвергаясь штрафу за хождение по путям, каждодневно бродил, лазил, исследовал путейские джунгли и тупики Челябинского путевого узла. Данный Черных ждал платформу с деталями тракторов, но не прибывала платформа. И Черных, проявляя жгучий темперамент, трогал пуговицы на груди завманеврами:

— У меня, браток, дело количественное, что ж ты ему ходу не дашь? Ты искать должон, телеграфить платформу, не то я ка-ак...

И повсюду к форменным пуговицам тянулись получательские нервные пальцы. Свесившись с виадуков, хватаясь за грудь в углекислом дыму паровозов, прислоняя козыречком ладонь, получатель прожигал свои дни — и впустую. Грузы не шли.

Сев на откосе, всесоюзный получатель хандрил:

— С них где ж получить? В списчиках вагонов у них кто попало ходит. Текучесть, отношение безответственное.

— Нахожусь как-то в Кизитеринке, тут как раз полувагон пришел. Рассвет, сцепщик в дудку дудит, а документов никаких при вагоне, ни «куда», ни «откуда». Все бумаги потеряли. А груженый вагон!

— Очень даже вам верю. В Азербайджане я действовал, так там поезда, эвон, без кондукторских бригад ходят. Служащий грузовые документы навертит в рулон да и сует машинисту. А машинист — откуда ему знать документы? Его дело в график ложиться. Экономит железная дорога, должностя упраздняет, а нам это...

Ах, экономия! Ах, весна, солнце, черт знает какой воздух, и в душе сплошная ботаника! Так и подмывает удариться в тему о безграничности доверия, может быть, даже одиночно запеть! В самом деле: упразднили охрану составов — разве не благо? Сознательность возросла вон как, а на штыке у часового еще горит полночная луна. Безобразие. Один вид навевает тревожность. Правильно сделали, что упразднили. Пора проветрить систему! Привести в соответствие с временем!

Раньше в разные концы страны шли ценные грузы и на платформе стоял часовой путей сообщения. Груз мог долго плутать, но в конце концов приходил. Ныне должность часового похерили.

И как будто все хорошо.

Но, желая проветрить систему железных дорог, МПС простудило индустрию.

А картинка будет такая: ночь, станция, фонарь, орава. Орава слоняется слушает: не гудёт ли земля? Вот — гудёт, близится большой товарняк. Тут не зевай, и расширенный в темноту зрачок сортирует вагоны. И вот уже — прыгнули, взобрались, уже сидят под брезентами воры-бесшумники, и лишь по шевелениям брезентов заметно, как споро работают люди торцовыми и разводными ключами. Все рекорды разворовываемости за единицу времени ставятся в эти минуты. Здесь умыкают экскаваторные ковши, громоздкие фрикционы, разболчивают задние мосты, передние бабки — и далее по всем видам продукции, производимой в стране.

А уже бренчит колокол, поезд дает гудок, и поммашиниста Виктор адресуется к машинисту Игнатычу:

— У нас зверь-машина, Игнатыч! Ты гляди, как подъемы берет!

Он не знает, что где уж — не брать! Ведь состав уже много легче. И тепловозной машине все легче будет везти его, потому что в азарте собственной алчности не спрыгнули многие из оравы, и тяжкие удары раздаются в ночи — на ходу налетчик выметывает с платформы узлы и детали машин, а потом слышится мягкое шмяканье — то сиганул он сам. И долго скользит в росистой траве, оставляя на невинных цветах куски консервирующей смазки, прилипшей к груди.

Но и на перегонах нет покоя составу, догоняют его кто на мощных мотоциклах «Урал», кто на аргамаках, на манер актера Гурзо в героических фильмах.

А люди выходят, наивные получатели, прислоняют ладони ко лбу.

— Во,— говорит им железнодорожник.— Прибыл все же ваш груз, получайте. Расписуйтесь мне в получении.

И вот скажите, как расписаться в получении «Москвича-408» связистам населенного пункта Могоча? Ужасен вид «Москвича», на съемках авантюрных фильмов так не гробят машины: выбито сапогом ветровое стекло, в салоне и под капотом — ограблено.

И читинский сельхозтехник лежит под колесами прибывшего «ГАЗ-52А», будто задавленный. Но это человек не задавленный, это зарезанный: в машине нет ветрового стекла, знающей рукой аннулированы трамблер, поворотные лампы, аккумулятор, инструменты и пр.

А дела Читинского управления охотничьих промыслов вовсе трагичны. Управленский начальник Самойлов боится не пережить, сам не едет на станцию, и по телефону ему сообщает Илюша, шофер управления. Сообщает, что видит прибывшую тракторную тележку, то есть не целиком всю тележку, а то, что осталось,— силуэт, некий абрис.

— Наши два «ГАЗ-51» пришли тоже. Сидений шиш, и домкратов шиш.

И дальше перечисляет скрупулезный Илюша про несчастные тракторы «ДТ-75». Но в трубке никого уже нету. Гудки.

Упрснабсбыт Читы плачет в баки мотоциклов «Урал»: колеса, ветровые стекла, сиденья — все снято.

И ледниковой лавиной получатель надвигается на железнодорожного служащего: что, дорогой, прикажете делать? Запчастей в складах для восстановления нету. Выходит, самим нам теперь козырек надвинуть, поднять воротник да ночью на полотно?

А служащий, отступив, кричит толпе из-под мышки сержанта желдормилиции:

— Я, что ли, крал?

И сержант говорит басом:

— Граждане, нарушаете! Претензии письменно надлежит заявлять.

Но какие уж, право, претензии! С железной дорогой можно препираться годами, тогда как машина нужна позарез. Дорога точно знает, что технику возьмут в любой степени разоренности. А раз взяли — претензии бросьте!

Так, подпирая плечами задний борт и кабину, укатывают бывший «ГАЗ» охотничьи люди. Скачет по улицам тракторная тележка, оставляя за собой не дизельный дым, а конские яблоки. И эмпээсовец, овевая лицо форменным головным убором, глядя на пыхтящих людей в инвалидном параде машин, тычет наставительный перст:

— А которые хотят в целости получать, те пускай на завод-отправитель людей своих шлют. Пусть сопровождают, с малой скорости страну поглядят.

Тут опять учтем размеры страны. Разделим километраж на малую товарную скорость, помножим цифру на потребность в технико-единицах — то будут человеко-столетия, человеко-эры, потерянные производством на сопровождение грузов.

И поедут и едут уже пустынники, страстотерпцы, бдят, грызя из кулака большую медвежью мозоль ларечного сыра, патлатые, обезвоженные, с полостью рта, набитой ругательствами и кальцексом, а вагон толкают на горках, мечется прожекторный луч, орет сипато селектор-вещание, и в груди плещется страх, что, судя по Полярной звезде, опять везут вагон не в ту сторону.

Здесь спросят: а выход?

Автор не знает. В умственном атлетизме не настолько велик.

Известно одно: экономия хороша в пределах разумного. Может быть, по одному сторожу на состав — это дорого. Плюс перебои с ружейной смазкой, нет горошин к патрульным свисткам...

Тогда надлежит придумать нечто другое охранное. Фотоэлементы в цепи сирен? Пропущенный в механизмы острасточный ток? Жуликосбрасыватели с платформ и вагонов?

Точно автор не знает, какая система пригоднее. Это железная дорога решит. Ее прямая обязанность. Ибо получатели должны получать то, что им отправлено.

Восточная Сибирь.

Андрей НИКОЛЬСКИЙ,
специальный корреспондент Крокодила

ИЗ ЛЮБВИ К ПОТОМКАМ

Я вот не помню, отличались мы раньше горячей любовью к потомкам или нет? В памяти все больше всплывают факты, что человечество что-то там уничтожало. Оно вело себя так, как будто после него сразу должен был начаться всемирный потоп. И вовсе не предполагалось никаких потомков.

Так, например, наши предки, не задумываясь о завтрашнем дне, истребили целые виды животных. Ну, например, белого носорога. И мы, теперешние потомки, уже никогда этого белого носорога не увидим. Разве что на картинке. И то если выпадет счастливая случайность.

Теперь-то мы, конечно, спохватились. Сообразили, что очень может случиться, что потомки нас не поймут. Обидятся, что им ничего не осталось. И чтобы не получилось такого обидного недопонимания, мы им стали адресовать письма.

Проходит, скажем, всемирная выставка. Тьма народу, гремят оркестры. И под эту музыку торжественно зарывается в землю этакая капсула с посланием к потомкам. Они, конечно, уж будут говорить между собой на каком-нибудь другом языке и, может, ничего не поймут из этого послания. Но это не так уж важно. Важно, что забота о потомках с каждым днем разгорается все сильней.

Недавно даже показывали по телевизору, как закладывали фундамент одного дома. Небольшой такой дом, двухэтажный. И вот прораб собственноручно засовывает под самый низ пакет — тоже послание к потомкам. Конечно, нам неясно, что он там мог написать! И какого мнения будут о нас потомки, прочитав это послание!

Или мой друг тов. Козюлин тоже решил черкнуть потомкам. Он был на побережье Черного моря и на каком-то дереве вырезал слова: «Тов. Козюлин. 1969 год». Больше он, к счастью, ничего не стал писать, и то хорошо.

Потому что я лично считаю, что эта подпись до потомков не дойдет. И дерево это не дойдет. И лес, в котором это дерево произрастает, тоже не дойдет.

Я, между прочим, недавно сам был в тех прекрасных местах. Тоже хотел было расписаться на каком-нибудь огромном буке. А потом решил не тратить усилий. Потому что люди будущего составят о нас представление и без того. Довольно полное представление, думается. И всякие наши послания ничего добавить не смогут.

Вот взять, например, леса на Черноморском побережье Кавказа. Изумительные по своей красоте леса. И не столько, может, дороги они своей красотой, сколько редкими породами дерева. Тут и каменный дуб, и бук, и тис, и каштан, и самшит, и хмелеграб. Одним словом, жалко их вырубать.

Главное, будь у нас в стране два Черноморских побережья, ну тогда куда ни шло: одно вырубили, другое осталось. А то ведь только одно и есть. Для себя бы такой уголок неплохо поберечь, не говоря уж о потомках. Люди, которые там лесами занимаются, в один голос говорят:

— До слез жалко рубить!

Они так и делают: одной рукой, как говорится, плачут, а другой рубят.

Думается, все-таки мы в этом вопросе малость перебарщиваем. Рубим этот южный лес в хвост и в гриву. С гривы хлопочут леспромхозы. Согласно плану. И это бы полбеды. Но с хвоста на бедный лес навалились заготовители от колхозов, совхозов и разных организаций. Это беда похлестче, потому что размеры ее отчетливо не видны. Сколько этих заготовителей и сколько они вырубают — учесть трудно, а порой и невозможно.

Дело в том, что право на заготовку могут дать разные начальники. Большого и маленького калибра. И когда заготовитель попадает на свою делянку, он заинтересован только в одном: как бы побольше вывезти древесины. Он, естественно, хочет вывезти больше, чем ему разрешено. И это, естественно, ему удается. Потому что способов тут изобретено много, а заготовитель вездесущ и изворотлив. Вот, например, колхоз «Кавказ», Курганинского района, вместо 1 000 кубометров деловой древесины ухитрился получить 1 577 кубометров. Колхоз «Рассвет», Тимашевского района, под видом столбиков для изгороди сумел заготовить в Пшишском леспромхозе деловую древесину. Одним словом, пути, которыми растаскивается лес, самые разнообразные — всех не перечислишь.

Я побывал в 27-м квартале Навагинского лесничества Хадыженского леспромхоза как раз после заготовителей. Земля здесь безжалостно изрыта гусеницами тракторов. Если одной дороги водителям казалось мало, рядом прокладывалась вторая. Лес захламлен древесиной, которая оказалась ненужной, громадные кучи хвороста гниют возле здоровых деревьев. Не нужно быть специалистом, чтобы заметить: вывозилось из леса то, что получше, а оставлялись деревья те, что похуже. И эта рубка называется уходом за лесом!

Ну, если кто-нибудь скажет, что это отдельные, непоказательные примеры, а подай ему, дескать, более общие цифры, то можно привести и общие. Вот они: за последние девять лет из гослесфонда в Краснодарском крае вырублено 137,5 тысячи гектаров леса, а засажена только половина этой площади.

Так что, как видите, вряд ли мы позволим какому-нибудь дереву дожить до потомков. Даже если на этом дереве кто-нибудь из нас увековечит свои инициалы. Скорее всего мы это дерево употребим для каких-нибудь своих неотложных надобностей. А потомки пускай изучают наше время по посланиям, а также по пням, которые останутся на месте лесов.

Если какому-нибудь потомку это занятие покажется малоинтересным, он может спуститься к Черному морю. Благо, оно тут же, недалеко.

Моей скромной фантазии рисуется идиллическая картина. Вот уходящий в море пирс, огромные корабли на внешнем рейде и, как во все времена было, есть и будет, сидящие на пирсе рыбаки. И, как во все времена, у них плохо клюет.

Но тут один старый потомок с бородой выуживает барабульку. Он подозрительно нюхает ее и брезгливо вытирает руки о штаны.

— Ну начисто все море провоняло нефтью,— бормочет он,— и рыба провоняла, и леска вся черная от нефти.

— Это что,— говорит потомок помоложе, тот самый, которому надоело созерцать пни.— В Азовское море ежегодно сбрасывается шесть миллиардов кубометров загрязненных вод. Как ты думаешь, лет на пятьдесят хватит этого моря?

— Должно хватить. Только за примерами далеко нам ходить не надо. Вот речка Туапсинка, впадает в Черном море рядом. Ее русло и берега настолько пропитаны мазутом, что стали уже постоянным источником повторного загрязнения.

Далее из разговора потомков, который они, естественно, перемежают нелестными словами в наш адрес, можно узнать, что хотя в двадцатом веке и были построены очистные сооружения, но они были не так уж совершенны, и нефтяные продукты продолжали загрязнять море.

Далее выяснилось бы, что руководители здешнего нефтеперерабатывающего завода иногда сбрасывали чересчур много нефтяных отходов за один раз, и фильтры не успевали их очищать. Часто нефть просто проливали в море, как нерадивая официантка проливает кофе на поднос. Эти последствия цивилизации частично выбрасывались волнами на берег, частично оставались в море.

И, бросив взгляд окрест этого пирса, мы смогли бы убедиться в правдивости этих слов. Тут же неподалеку, на пляже, загорали люди будущего в прекрасных нейлоновых плавках, испачканных мазутом в самых пикантных местах. Этот мазут пришел к ним из двадцатого века. О берег ласково терлось море, покрытое радужной пленкой нефтяных отходов. А издалека, как привет из прошлого, доносился легкий керосиновый ветерок.

Если кому-нибудь из моих современников эта скромная картинка из будущего покажется слишком мрачной, так сказать, не соответствующей великому назначению прогресса и цивилизации, то я могу сказать, что да, действительно я пошутил. Никакая это не картинка из будущего, а самая что ни на есть картинка из настоящего. И нарисована она в районе прекрасного курортного города Туапсе.

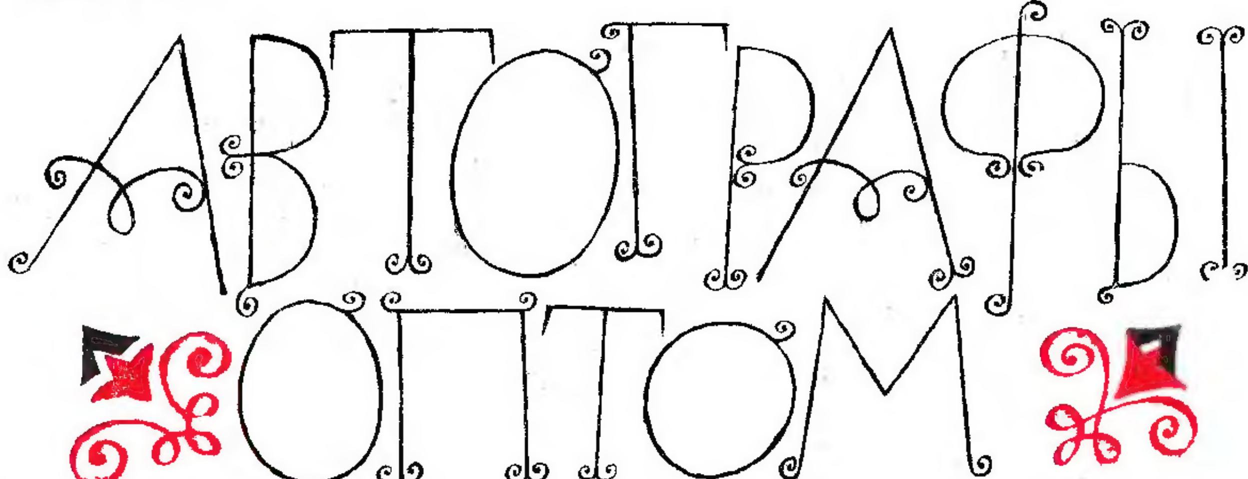
На этом фоне будущее автору рисуется в еще более мрачных тонах. Правда, ему сплошь и рядом приходится встречаться с людьми, которые настроены весьма оптимистично. Они полагают, что это — явление временное. Что, дескать, когда-нибудь человек возьмется за ум, очистит реки, моря, воздух и насадит повсюду прекрасные, благоухающие сады.

Не смея спорить против собственных интересов, ужасно хочется пожелать, чтобы этот момент наступил скорее. И даже не надо ставить таких сложных задач в смысле восстановления. Попробуем хотя бы удержаться от дальнейшего уничтожения природных богатств.

Сделаем это даже не ради себя. Сделаем это из любви к потомкам.

Краснодарский край.

Юрий БОРИН

Поздно вечером напротив моего дома подъемный кран установил пивной ларек.

Рано утром ко мне позвонили.

— Здравствуйте,— сказал вошедший,— я от коллектива жильцов нижних этажей. Подпишите, пожалуйста, письмо о том, чтобы убрали ларек.— И он протянул мне бумагу, уже испещренную подписями.

— Зачем? — наивно спросил я.— Разве пиво вредно?

— Очень,— строго сказал он и нарисовал жуткую картину повального пьянства, дикого разгула и засорения прилегающей к ларьку территории. Говорил он очень убедительно.

Через пятнадцать минут новый звонок прервал мой утренний завтрак.

— Я от коллектива жильцов верхних этажей,— пропела дама.— Подпишите, пожалуйста, письмо о том, чтобы пивной ларек оставили на месте.

— Как? — удивился я.— Разве за это время уже успели доказать, что пиво полезно?

— Видите ли,— ответила она,— если его уберут, то наши мужья будут ходить за пивом в другой район, там бог знает что может случиться, а здесь они на глазах... И вообще... пиво хорошо утоляет жажду.

Говорила она чрезвычайно доходчиво.

На следующий день ко мне пришел сосед справа.

— Как вы относитесь к озеленению территории нашего двора? — осведомился он.

— Не знаю,—чистосердечно признался я.

— Вот видите,— укоризненно заметил он,— а мы тут уже кое-что набросали насчет устройства газонов, клумб и цветников. Поставьте свою подпись. Так сказать, автограф. Нельзя допустить, чтобы эти хулиганы играли во дворе в футбол, им бы только стекла бить.

Он был прав. Его окна выходили во двор.

Спустя полчаса явился сосед слева.

— Вы любите детей? — спросил он с порога.

— В принципе да,— немного подумав, сказал я,— а что случилось?

— Тогда вы обязательно подпишете наше коллективное письмо в райисполком о том, чтобы во дворе вместо газона устроили детскую площадку. Трава от нас не уйдет, а дети... Это наша смена, наше будущее, наша надежда...

— А если эта надежда будет бить окна? — наивно спросил я.

— Чепуха,— авторитетно заявил он. Его окна выходили на улицу.

Однажды ко мне приковылял старичок — боровичок. Он долго отдувался, рылся в карманах и наконец вытащил сильно измятый листок. С трудом разобрав, что там написано, я понял, что речь идет о борьбе за тишину.

— Дорогой товарищ,— торжественно произнес старичок,— вы должны подписать это наше письмо о том, чтобы с нашей улицы сняли троллейбусы и автобусы. И грузовые машины тоже. В городе должно быть так же тихо, как в лесу.

— Позвольте, а на чем же ездить на работу? — опешил я.

— Что, что? — переспросил он, приложив к уху рожок.— Говорите громче, я плохо слышу.

Не успел я выпроводить почтенного борца за тишину, как явилась группа борцов за упорядочение транспортных связей.

— Вы не должны проходить мимо этих безобразий,— заявили они хором.

— Каких именно? — насторожился я.

— По нашей улице ходят только автобусы и троллейбусы. А где трамваи? Где метро? Мы систематически опаздываем на работу. Ставьте скорее свою подпись, а то мы снова опоздаем.

Я тоже спешил на работу, мне тоже не хватало транспорта, и я расписался.

Неделю никто ко мне не звонил. Я решил, что пора коллективных писем кончилась и можно немного отдохнуть.

Но отдыхал я лишь днем. По ночам меня одолевали кошмары. Мне снилось, что я тот самый работник районного исполкома, который получил все эти письма.

Сперва я пытаюсь их читать, но писем становится все больше и больше, они сыплются откуда-то с потолка, как снег на голову. Вот они уже заполонили всю комнату, они кружатся в вихре вальса, быстрей и быстрей. Я вижу, как этот вихрь вдруг превращается в хоровод пляшущих человечков. Человечки разбиваются на две группы, группы сталкиваются, отступают, снова наступают. И поют, отчаянно фальшивя:

А мы просо сеяли, сеяли!..
А мы просо вытопчем, вытопчем!..

Просыпаюсь я в холодном поту и долго не могу прийти в себя. Сон заставляет меня думать о том, как должен поступить исполком, получив все эти письма. Кому отдать предпочтение? Кому отказать?

Убрать пивной ларек или не убирать? Разбивать газон или делать площадку? Сокращать транспорт или увеличивать? Какое решение принять, чтобы потрафить всем вкусам? На вкус и цвет товарища нет. Один любит глазунью, а другой свояченицу. Один ходит в баню, а другой в кино. И что есть чувство меры? И как понимать здравый смысл?

С одной стороны, надо бороться за тишину, с другой стороны, чем больше машин, тем шумнее. С одной стороны, детям надо играть во дворе, с другой стороны, они бьют мячиком стекла. С одной стороны, инвалиду надо построить гараж возле дома, с другой стороны, из гаража пахнет бензином и гудит мотор...

Я не успел додумать до конца—раздался звонок.

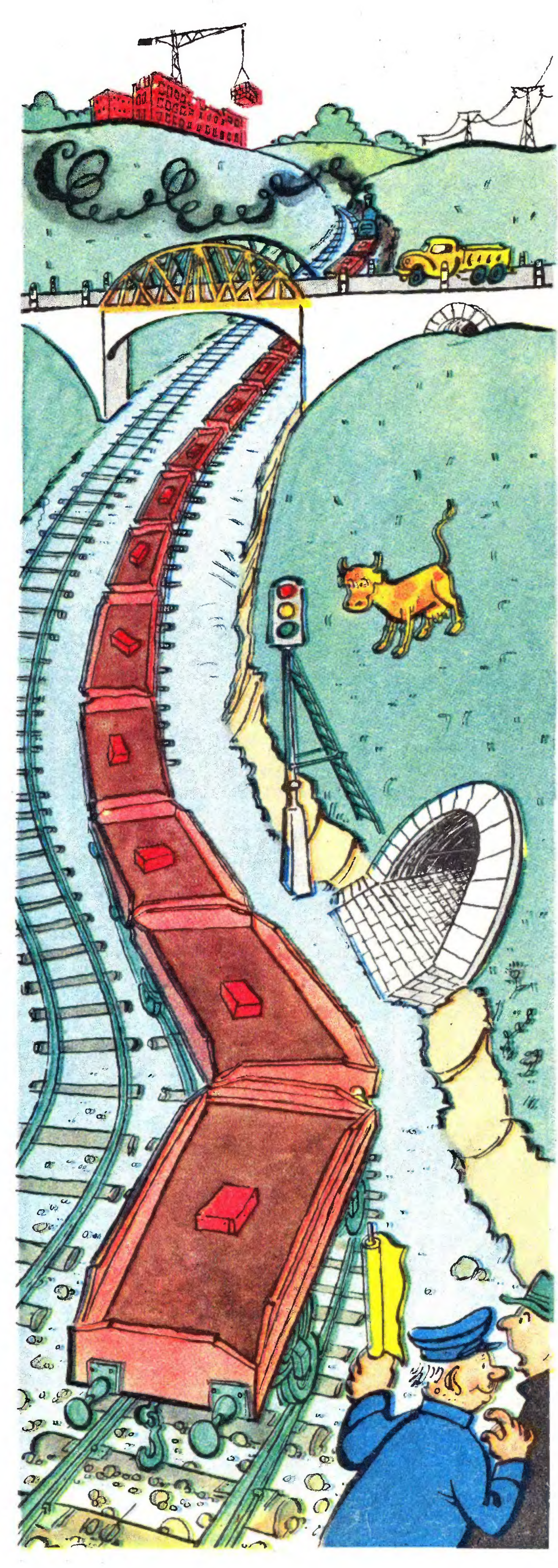
— Привет,— сказал мне гость.— Я живу на втором этаже. Понимаешь, невозможно находиться в прихожей. Лифт стучит. Я предлагаю поставить лифт на прикол, а в кабине оборудовать курсы кройки и шитья. Подпиши, будь другом, это письмецо.

Я раскрыл было рот, чтобы выразить свое отношение, но тут снова позвонили.

— Добрый вечер! — сказал новый гость.— Дело в том, что я живу на девятом этаже, а лифт работает только до часу ночи. Подпи...

Когда оба ушли, я снял звонок с двери, принял снотворное и наклеил объявление: «Автографов не даю. Неграмотный». И расписался.

г. Ленинград.

— Теперь нас не упрекнут, что порожняком гоняем.

Рисунок Ю. ФЕДОРОВА

Сади РУДЯНУ

ТИПИЧНЫЙ СЛУЧАЙ

Круглый год фельетонист старается в меру своего таланта и остроумия вскрывать недостатки и прегрешения одних, чтобы освобождать от них других. Но да будет позволено и фельетонисту хотя бы изредка быть эгоистом и написать о собственных бедах и печалях.

Как-то меня пригласил редактор одной газеты.

— Мы хотим опубликовать серию статей, посвященных семейным проблемам,— сказал он.— Понимаешь, неправильное поведение супругов, всякие там ссоры, скандалы и тому подобное.

Я написал фельетон, где героем была жена, которая занята всем, чем угодно, но только не заботой о муже.

В день появления фельетона в газете прихожу я домой и нахожу жену в необычайном состоянии. Так выглядел, наверное, Везувий перед фатальным извержением. С секунду или две вулкан сотрясается, потом делает прыжок в мою сторону и тычет газетой мне в глаза.

— Так, выходит, некоторые фельетонисты женятся только для того, чтобы было о ком писать! Раздобыл себе жену, чтобы изучать фактический материал. Браво!

Я стою, разинув рот от неожиданности:

— Дорогая, позволь объяснить тебе...

— Никакая не дорогая! Сначала высмеиваешь меня тиражом в триста тысяч экземпляров, а потом «дорогая»? Боже! Сколько на земле порядочных людей, а мне бог послал юмориста!

В это мгновение раздается телефонный звонок. Она хватает трубку:

— Алло! Да. Одну минуту.— И, повернувшись ко мне, добавляет:

— Тебя. Анжела.

Анжела и Нику — это наши самые близкие друзья.

— Алло, Анжела, здравствуй, милая! Как дела?

А с другого конца провода мне говорят:

— Послушай, шут гороховый! Не появляйся больше у нас, а то я тебе ноги повыдергиваю, слышишь? Особенно левую, которой ты пишешь. Я тебя в дом пускаю, ты пользуешься нашей доверчивостью, а потом тащишь в печать все подробности моей семейной жизни! Откуда ты, невежда, узнал, что я заставляю Нику самого пришивать себе пуговицы? А если один раз такое и случилось месяц назад, когда я загрипповала, позволительно ли тебе насмехаться надо мной перед всем миром?

Щелк! Трубка повешена. Вне себя я хватаю пальто и отправляюсь за советом к Андрею, моему хорошему другу. Всей душой рвусь к человеку, который бы понял меня в эту минуту. Когда Андрей открывает мне дверь, его глаза похожи на две льдинки. Но мне не до этого.

— Послушай, Андрей, я просто в отчаянии. В такой переплет попал, что и не знаю, как вылезти...

Я плюхаюсь в кресло, а Андрей останавливается в нескольких шагах от меня и скрещивает на груди руки:

— Хорошо, что ты пришел, а то я к тебе сам собирался.

— Зачем?

— Послушай, так не годится.— Взгляд у Андрея мрачный, злой.— Когда я сказал тебе, что моя жена иногда отказывается выгладить мне брюки, я думал, что мы говорим с глазу на глаз, как мужчины, как друзья, наконец. Но боюсь, что все это в прошлом...

Ноги сами собой несут меня к родительскому дому. Когда тяжело на душе, всегда хочется успокоиться у мамы.

— Мама! — восклицаю я и, почти рыдая, хочу броситься к ней в объятия.

— Не прикасайся ко мне! — кричит она. И отстраняется так, что я останавливаюсь с протянутыми руками.

— Мама,— выдавливаю я из себя,— что случилось?

Мама делает маленький шаг в мою сторону:

— Блудный сын, вот ты кто! Ты набрался наглости смеяться над собственной матерью? И где такое слыхано? Если отец кипятит себе чай по утрам, потому что у меня ревматизм, то имеешь ли ты право так разрисовывать собственную мать в газете?

* * *

Нет у меня больше ни мамы, ни жены, ни друзей. Есть только редактор. Как-то недавно встречаю я его в троллейбусе, он и говорит:

— Знаешь, а твой фельетон очень понравился в редакции. Самое типичное ты там подметил. Молодец. Напиши еще нам на эту же тему. Проблем тут хоть отбавляй.

— Нет! — Я поднимаю руки.— Не буду, увольте.

— Почему?

— А вот так. Если хотите нетипичное, пожалуйста, но о типичном больше не пишу.

Перевел с румынского С. ПЕТУХОВ.

— Родители приехали!

Рисунок А. ЕЛИСЕЕВА и М. СКОБЕЛЕВА

И. ЗОЛОТАРЕВСКИЙ

Украли трамвай

(Почти быль)

Кондфабрика объята сном.
Но за директорским столом
ответственные дяди
вздыхают, на ночь глядя.
План выполнен по прибылям,
по леденцам, по трюфелям,
по лому шоколада...
Чего еще им надо?
А надо сдать металлолом
во что бы то ни стало,
не пуд, не два, а дело в том,
что двадцать тонн металла!
Легко ли? Где там! Нелегко.
На что уж «птичье молоко»
по линии Кондсбыта
и то давно добыто.
Но где добыть железо, медь —
вагон металла? Страшно ведь
подумать о вагоне
на леденцовом фоне!
Завал! Валилось все из рук.
Директор тоже сник... И вдруг,
как в детективе зыбком,
вошел вахтер с улыбкой.
Он что-то молвил в тишине,
и лица посветлели.
Директор гаркнул: «Все ко мне!
Мы на коне! У цели!
Достать кувалды, молотки,
зубила, пилы, резаки,
и чтобы до рассвета
петрушку кончить эту!..»
Дальнейшее — сплошной туман.
Но зримо и весомо
кондфабрикой был утром сдан
вагон металлолома.
Откуда он? Известен факт,
источник неизвестен.
Зато известно нам, что акт
лежит в трамвайном тресте.
А в акте сказано: «...вагон,
где был контроллер поврежден
в пути и не исправлен,
поскольку поздняя пора,
был у фабричного двора
на линии оставлен.
А поутру исчез вагон.
Обыскан тщательно район,
но не нашлась пропажа.
Вполне возможна кража...»

Юрий АЛЕКСЕЕВ,
специальный корреспондент Крокодила

ШТРАФНАЯ ПЛОЩАДКА

Никому не советую жениться в Левашах. Женитесь на ком угодно и где угодно, но только не в дагестанских Левашах.

Обычная свадьба требует расходов. Свадьба в Левашах требует еще и предельного мужества, прямо-таки отчаянной джигитской храбрости и егерской осмотрительности. В Левашах не зевай! По закону Гасанова и невесту и жениха там довольно лихо могут увезти прямо с брачного пира...

Гасанов, конечно, не Ньютон, и его закон вам неизвестен. Зато что такое сельская свадьба, ни для кого не секрет. Это пир на весь мир, баян нараспашку и могучий танец с притопами, наводящий ужас на сейсмографов Чили, Японии и других незнакомых с «барыней» стран. И, конечно же, свадьба не обходится без хоровой «Дубинушки», от которой падают камнем застенчивые сельские воробьи.

И в Левашах дело без этого тоже не обходится. Разве что «барыню» иногда заменят лезгинкой, а вместо «Дубинушки» грянут «Терек воет, дик и злобен».

Так вот на эти самые звуки в Левашах и могут появиться синие джигиты на дрожащих, покрытых бензиновым потом мотоциклах М-72.

Левашинцы, надо сказать, народ простой и сразу же предлагают джигитам выпить за здоровье молодых.

Но джигиты посланы не Минздравом.

— Шумите? — спрашивают они с любопытством.

— Шумим, братцы, шумим! — отвечают им доверчиво.

— Ага! Это нам и нужно! — говорят джигиты и, официально избоченясь, возглашают:— Именем товарища Гасанова! За шум, умаляющий величие Левашей перед мировой общественностью, жених приговаривается к тридцати дням принудительных работ, а гости к штрафу — по десятке с носа!..

Тут невеста, как и положено, начинает плакать, жених выпячивает грудь и говорит: «Позвольте!» — а грамотный гость (среди гостей всегда есть грамотные) объясняет, что-де Леваши слабо обеспечены якутскими пимами и потому танцевать «барыню» без шума невозможно.

Грамотного, как вы понимаете, штрафуют в первую очередь, а жениха сажают в коляску, и он так и едет с выпяченной грудью на принудработы.

Так может начаться медовый месяц в Левашах... Теперь вы понимаете, почему я отговаривал жениться в тамошних широтах? И более того. По секрету!.. Если вы неравнодушны к подкидному дураку, ни в коем случае вообще не останавливайтесь в Левашах. Это вам тоже выйдет боком. В длинные безлунные вечера вам однажды захочется пойти с шестерки пик... И тогда без всякого спиритизма перед вами опять же возникнут джигиты в синем:

— Играете?

— Так точно!

— С азартом?

— Еще бы!

И снова прозвучит магическое: «Именем товарища Гасанова! За азартные игры...» и т. д...

Вы, конечно, начнете отбояриваться. Дескать, помилуйте, я пошутил, никакой это не подкидной, а вполне культурный пасьянс с гаданием на короля червей! Это-то вас и погубит. По закону Гасанова на суверенной территории Левашей гадание, равно как и подкидной дурак, наказуется в диапазоне от 10 рублей штрафа до 30 дней исправительных работ!..

Теперь вас гложет естественный интерес, кто такой Гасанов, не родственник ли он Ликургу, и в каком веке он проживал?

Разочаруем сразу. Не родственник и веками от нас не отдален. Тов. Гасанов — ныне здравствующий председатель Левашинского райисполкома. Своей властью он и повелел:

«Установить административную ответственность за нарушение общественного порядка в Левашах: устройство азартных игр, гадание, шум, крики. Виновные в нарушении данных пунктов подвергаются штрафу до 10 рублей или принудработам сроком до 30 дней...»

В Левашах, как видите, особенно не пошумишь и на кофейной гуще не погадаешь. И в этом где-то проглядывает преимущество практики перед наукой.

Борьба с шумами — проблема века. Но кабинетные теоретики только еще изобретают бесшумные лифты и трамваи. А у товарища Гасанова уже все налажено. Без всяких там полупроводников и полумер. Просто каждому, кто осквернит Леваши, скажем, звуками шейка, грозят тот же штраф, те же тридцать незабываемых дней.

Так что, выходит, товарищ Гасанов науку обскакал. Правда, при этом он обскакал и закон, который, в частности, говорит: «Исполнительные комитеты городских и районных Советов могут принимать решения о штрафах в административном порядке только по вопросам борьбы со стихийными бедствиями, эпидемиями и эпизоотиями...»

Но не ждать же у моря погоды. Кто знает, когда в Леваши доберутся цунами, сирокко или еще что-нибудь стихийное!

Впрочем, не зря говорят: что ни город, то норов... У Карталинского горсовета Челябинской области, например, норов круче, чем у Гасанова. Тамошние просветители завели правило бить рублем «за непосещение школы рабочей молодежи». Пусть себе знают: ученье — свет, а неученье — штраф. Даешь образцово-показательный уровень образования!

Кстати, вопросы образцовости стоят на местах очень остро. Скажем, Махачкала страстно хочет быть городом показательной уличной культуры. Но какая же может быть показательность, если в окрестностях города бродят ишак или корова со всеми вытекающими отсюда последствиями! Это же умаляет, принижает и вообще нехорошо. И вот следует постановление исполкома, обязующее жителей окрестных поселков Тарки, Альбурикен и Кяхулай не выпускать скот со двора. Не выпускать так не выпускать.

Но те же Тарки от Махачкалы в шести километрах. Корова туда и за час не доберется, а на пустой желудок и за два. Это с одной стороны. А с другой — есть решения о всемерной помощи трудящимся в ведении подсобного хозяйства. Есть еще и Указ Президиума Верховного Совета РСФСР «О дальнейшем ограничении штрафов».

Но левашинским и другим подобным законодателям такой указ вроде бы и не указ.

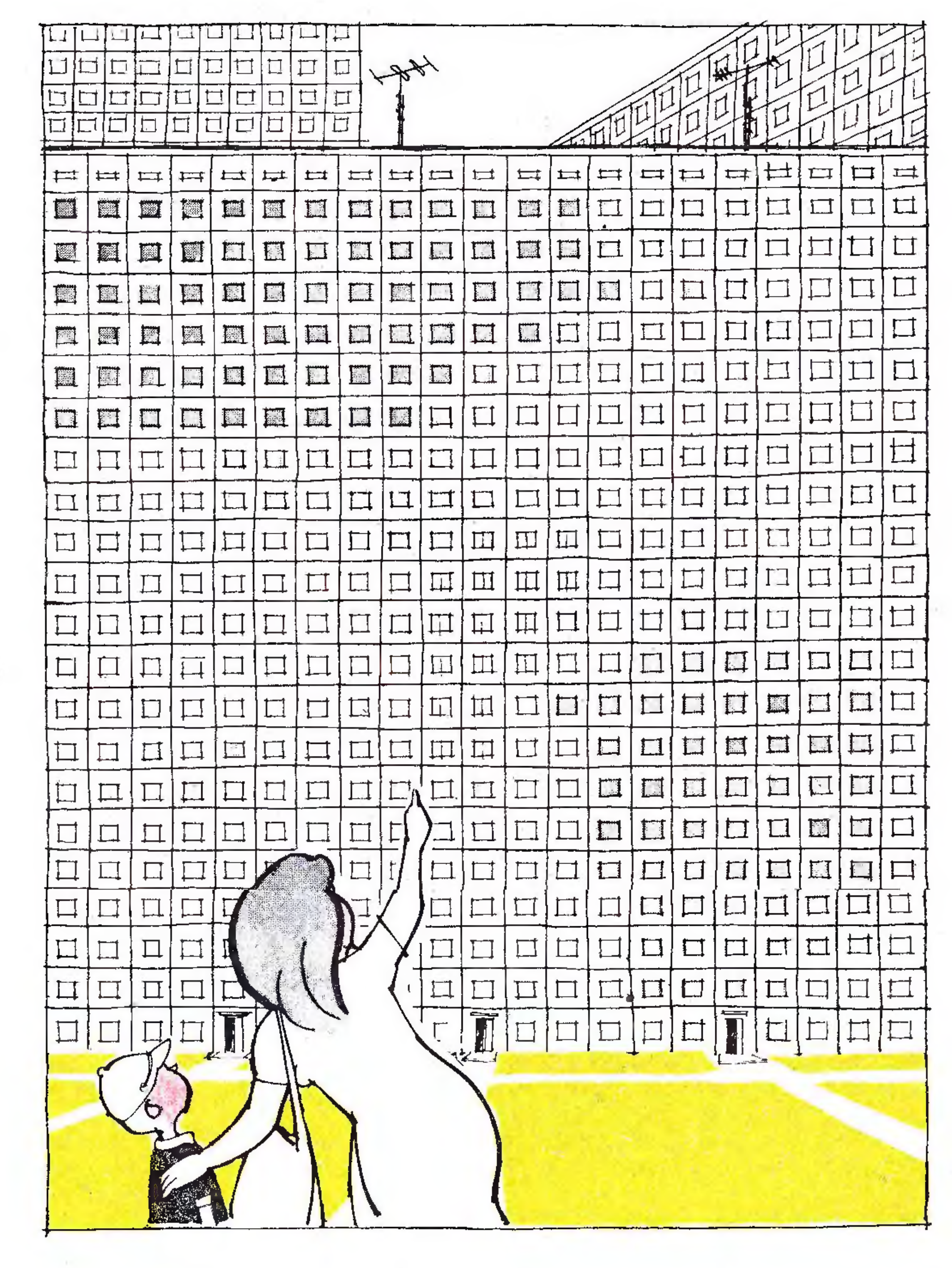
Конечно, очень авторитетно, когда говоришь: «Мое слово — закон!» Но зачем же подкреплять эти слова мотоциклом, превращая целый район в «штрафную площадку»? Есть ведь закон и на таких законодателей.

Дагестанская АССР.

— Хочу мужа в театр вытащить.

Рисунок И. СЫЧЕВА

— Сделай бабуле ручкой: семнадцатое окно по вертикали, двести сорок седьмое по горизонтали.

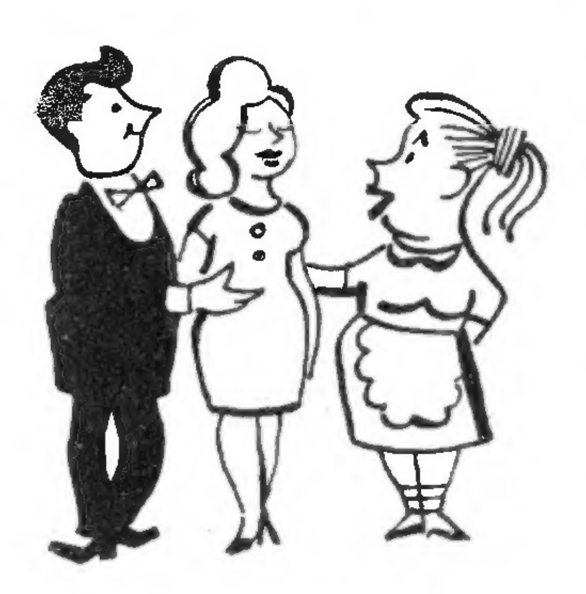
Рисунок В. ВОЕВОДИНА

— Ты кого ждешь?
— Да ворону.

Рисунок В. КАНЕВСКОГО

ПРОСТО АНЕКДОТ

Джон привел домой любимую девушку, чтобы познакомить с матерью.
— Мама, это чудесная девушка. Она любит варить, хорошо печет, аккуратно прибирает квартиру и вообще все умеет делать.
— Прекрасно! — сказала мать.— Я ее нанимаю. Пусть приходит по вторникам и четвергам.

●

Муж — жене:
— Удивляюсь, почему женщины обращают больше внимания на свою внешность, чем на развитие своего интеллекта?
— Потому что мужчины часто бывают глупы, но очень редко — слепы.

●

Пятнадцатилетняя школьница спрашивает у своей матери:
— Может ли девушка позволить мальчику, который пришел к ней на первое свидание, сделать за нее домашнее задание?

●

Встретились два приятеля:
— С чего это тебе вздумалось покупать такую большую коробку шоколада?
— Видишь ли, жена сегодня с утра необычайно добра, ласкова, вот я и думаю, что, может быть, сегодня день ее рождения или годовщина нашей свадьбы... Ну, я на всякий случай и купил!

●

Рене и Жан-Поль встречаются на улице.
— Значит, ты уже ходишь в школу? — спрашивает Рене.
— Хожу?! — воскликнул Жан-Поль.— Посылают!

●

— Почему вы в рабочее время читаете детективный роман, товарищ Сидоров?
— Понимаете, товарищ директор, здесь такой шум, что просто невозможно читать более серьезные книги.

●

В театре идет репетиция. Молодая актриса, играющая роль покинутой женщины, проводит сцену так неестественно, что режиссер в отчаянии кричит:
— Послушайте, у вас все выглядит фальшиво! Поставьте себя на место героини! Представьте, что вас бросил любимый. Что бы вы сделали?
— Нашла бы другого.

●

— Оказывается, нам сдали курятник...

Рисунок Е. ВЕДЕРНИКОВА

Юрий БЛАГОВ

Активный отдых

Я, начиная отдыхать,
Не избежал искуса
По синю морю погулять
Не хуже Иисуса.
В двадцатом веке совершишь
Подобное хожденье,
Имея пару водных лыж,
Плюс глиссер и... терпенье.

Не смог от резкого рывка
Я сразу встать на лыжи:
Одной — задел за облака,
Другой — за что-то ниже.
Да моторист еще, нахал,
Не сделал остановки,
И я полморя пропахал,
Запутавшись в веревке.
А как выпутывался я,
Судили оживленно
Весь санаторий и моя
Болельщица Алена.

По водной трассе мчать вперед
Сложнее, чем по суше.
Вода влезает в нос и рот,
И в легкие, и в уши.
Я волочился по волне,
Кляня первопроходца,
То на боку, то на спине,
А то — на чем придется.
Слетал на каждом вираже,
Забыв дорогу к дому...
Моя болельщица уже,
Вздохнув, ушла к другому.

Но я приблизился к мечте
И не скрываю факта,
Что при ракетной быстроте
Я выпрямился как-то
И удержался б на ходу,
Да кончилась путевка...

. . . .

Продолжу в будущем году.

. . . .

Тут главное, сноровка!

АФОРИЗМЫ

Выход из одного лабиринта порой является входом в другой.

* * *

Когда наконец яблоко раздора станет запретным плодом?

* * *

Смерть победителя: погиб, придавленный триумфальной аркой.

* * *

Над ним собирались грозные тучи фимиама.

* * *

Иногда капитан оказывается на дне раньше, чем корабль.

* * *

Не вступай в спор с литературным карликом — даже помимо своего желания, он будет бить ниже пояса.

Веслав БРУДЗИНЬСКИЙ

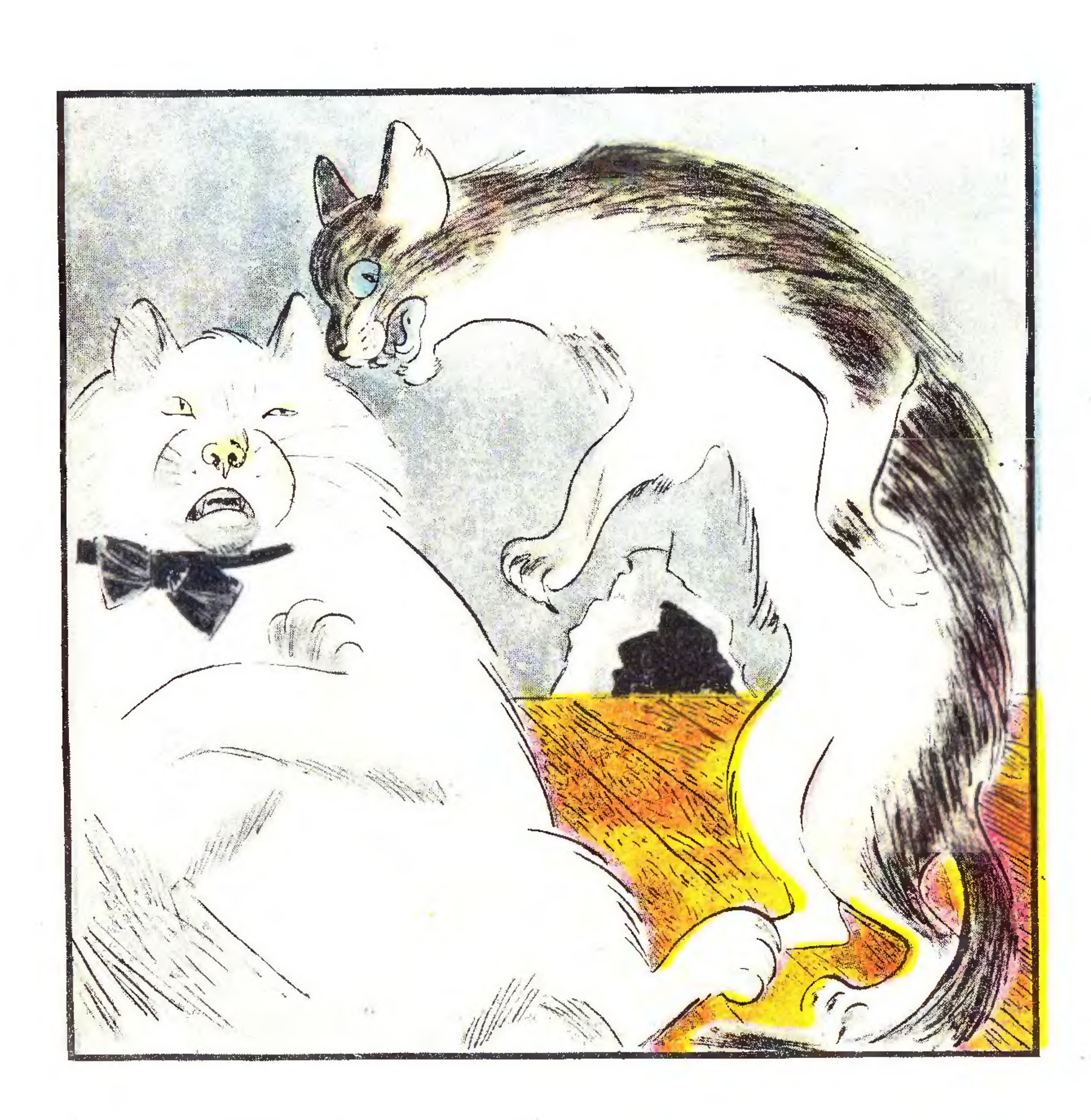
Дружеский шарж
А. ЦВЕТКОВА

Борису СПАССКОМУ

Пришла баталия к концу,
И лаврами увенчан он...
В боях на шахматном плацу
Родился новый чемпион.

И впредь, чтоб, радуя меня,
Не знал он поражений,
Дарю я своего Коня
Для будущих сражений.

КРОКОДИЛ

— Там насчет тебя критика снизу развелась...
— Подумаешь, мышиная возня!

Рисунок М. БИТНОГО

Бор. РОЩИН

СРЕДСТВО ОТ БЕССОННИЦЫ

Купил я капли, чтоб уснуть,
А к ним инструкция приложена.
Я попытался вникнуть в суть,
Чтоб все исполнить, как положено.
Я на себе, чтоб лучше спать,
Решил испробовать продукцию
И заключил, что стоит брать
Не капли, а одну инструкцию.

О МОЛОДОМ СПЕЦИАЛИСТЕ

Выпускники — простой народ —
О нем сказали не без смеха:
— Едва ль он далеко пойдет,
Коль далеко боится ехать!

ПЕРЕСТРОИЛСЯ

Прораб знал дело хорошо:
В борьбе за темп, для пущей важности
Он с трехэтажной перешел
На брань повышенной этажности.

Нарочно не придумаешь

«Большого успеха в этот день добился наездник первой категории из совхоза имени Электрозавода Борис Хажаев. Он трижды был первым. Первыми были и две другие лошади совхоза — Шлюпка и Шпага».

Газета «Комсомольское племя».

г. Оренбург.

«Поправка

В номере нашей газеты за 1 апреля 1969 года на первой странице в статье «Резервы нашей фермы» во второй колонке сверху вниз следует читать: сдано свинины всего 1962 центнера при плане 1750, или на 112 процентнеров».

Газета «Заря Семиречья».

Талды-Курганский район.

«Экскаватор, который в ремонте, находится под напряжением, а ремонтируемые машинисты должны быть обесточены не менее чем в двух местах».

(Из акта.)

Выписал Н. Калыпин.

г. Ревда.

«Вместо того, чтобы написать докладную записку, я вступил в конфликт с некоторыми наиболее рьяными и заядлыми нарушителями, в результате чего мною было разбито стекло форточки, но наведен порядок, который существует и по сей день».

(Из жалобы.)

Копию сняла Л. Ивченко.

г. Химки.

«Труп лежал навзничь, без головного убора, незнакомое лицо выражало полное безразличие к происходящему».

Газета «Знамя».

г. Калуга.

«Я схватил его и стал подтаскивать к собаке, говоря, что собака — друг человека».

(Из объяснения.)

Прислала Н. Удод.

г. Благовещенск.

КРОКОДИЛ

№ 19 (1921)

ГОД ИЗДАНИЯ СОРОК ВОСЬМОЙ

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

Темы рисунков этого номера придумали: М. Битный, М. Вайсборд, В. Воеводин, А. Грунин, В. Жаринов, И. Норинский, Н. Станиловский, И. Сычев, В. Устинов.

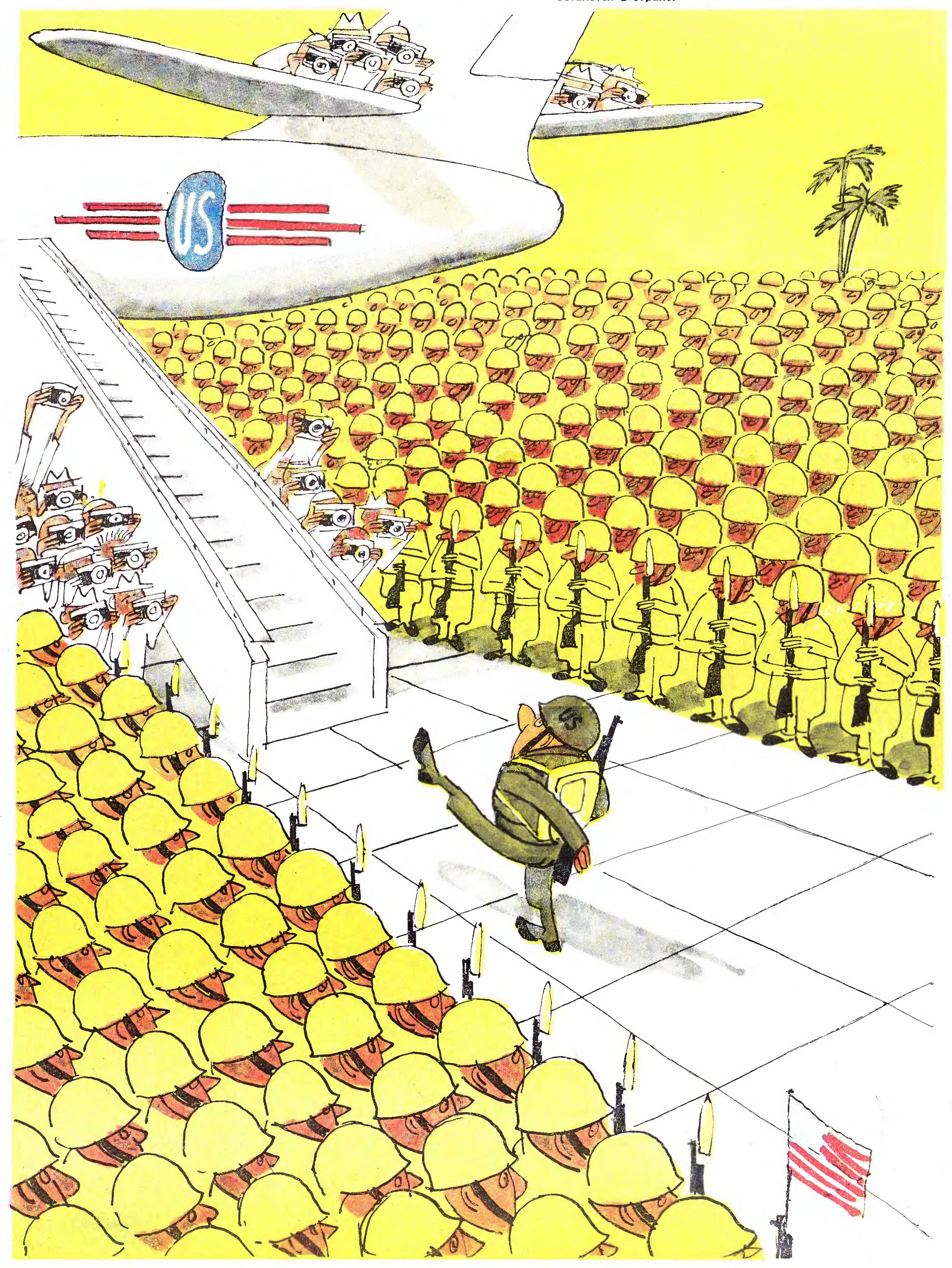
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

А 00140. Подписано к печати 30/VI 1969 г. Формат бумаги 70×108 1/8. Объем 2,80 усл. печ. л. 4,54 уч.-изд. л. Тираж 5 500 000 экз. (1 завод: 1—4 441 900). Изд. № 1000. Заказ № 1803.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Цена номера 12 коп.
Индекс 70448

Пентагонские пропагандисты пытаются представить планируемый вывод двадцати пяти тысяч американских солдат из Южного Вьетнама как «большой шаг к миру», умалчивая о том, что огромная полумиллионная армия агрессоров по-прежнему останется в стране.

Торжественный вывод американских войск из Вьетнама.

Рисунок Юрия ЧЕРЕПАНОВА